

К Стагирию подвижнику, одержимому демоном

Оглавление

<i>СЛОВО ПЕРВОЕ</i>	2
<i>СЛОВО ВТОРОЕ К тому же Стагирию о том, что уныние хуже демона</i>	20
<i>СЛОВО ТРЕТЬЕ К тому же Стагирию об унынии</i>	38

Стагий, происходивший из знатного и богатого дома и воспитанный в правилах христианской веры, по благочестивому настроению своему отказавшись от богатства и мирских занятий в Антиохии, посвятил себя подвижнической жизни отшельников, в которой вскоре, по поущению Божию, подвергся действию демона (беса или злого духа), страдал припадками беснования, причинявшими ему такая мучения и такое душевное уныние, что он покушался даже лишить себя жизни. Св. Иоанн Златоуст, узнав о бедственном состоянии Стагия, с которым находился в дружеских отношениях, желал доставить ему духовное утешение посредством письменных увещаний, не имея возможности лично посетить его по причине собственной болезни, постигшей его после подвигов в пустыне в конце 380 г. по Р. Х. В это время или в начале 381 года и могли быть написаны предлагаемые три слова святителя.

СЛОВО ПЕРВОЕ.

НАМ следовало бы теперь быть при тебе, любезнейший мой Стагирий, и принимать участие в твоих страданиях и хотя сколько-нибудь, по мере наших сил, облегчать твое уныние, утешая словом, помогая делом и употребляя все другие средства; но так как телесная слабость и приключившаяся головная боль, принудив оставаться дома, лишила нас возможности послужить в столь полезном деле, то не замедлим исполнить по нашим силам то, что еще остается и для твоего утешения и для нашей пользы. Может быть, это поможет тебе мужественно переносить настоящее бедствие; если же мы не будем иметь успеха в этом, то по крайней мере мысль о том, что мы с своей стороны не опустили ничего должного, облегчит нашу душу. Кто исполнил все, что считает полезным для прекращения постигших ближнего страданий, тот, если и не успеет в этом, освобождается по крайней мере от упреков совести и, сложив с себя тяжесть этих упреков, должен нести только тяжесть скорби. Если бы я был из числа тех, которые благоугодны Богу и могут сделать великое, то не переставал бы молить и просить Бога о драгоценном для меня человеке; но так как множество грехов лишает меня этого дерзновения и силы, то постараюсь предложить тебе словесное утешение. Так бывает и с теми, кто страдает телесными болезнями: уничтожение страданий и прекращение болезни есть дело врачей, но утешение больных не запрещается и прислуживающим им рабам; они-то особенно и говорят много в пользу своих господ, если благорасположены к ним. Итак, если мы скажем что-нибудь такое, что может прекратить чрезмерную скорбь твою, тогда исполнится то, чего мы желаем; если же ничего такого не найдем сказать, то конечно одобрит наше усердие Тот, Кто чрез блаженного Павла повелел плакать с плачущими и последовать смиренным (Рим. 12:15-16). Причина твоего уныния, по-видимому, одна - неистовство лукавого демона; но можно найти много скорбей, рождающихся потом от этого корня. Это говорю я теперь не от себя, но на основании тех жалоб, которые часто слышал от тебя, когда ты был вместе с нами; и во-первых (ты жаловался) на то, что в прежнее время, когда ты вел мирскую жизнь, ты не терпел ничего подобного, а когда распялся миру, тогда и почувствовал такую болезнь, которая способна смутить и повергнуть в отчаяние; во-вторых - на то, что многие из живущих в удовольствиях, подвергшись одинаковой с тобою болезни, после кратковременных страданий освободились от этой болезни и совершенно выздоровели, так что вступили в брак, сделались отцами многих детей, наслаждались удовольствиями настоящей жизни, и вновь уже не подвергались подобной болезни, - ты же проводишь столько времени в постах, всенощных бдениях и прочих подвигах, и между тем не получаешь освобождения от постигших тебя страданий; в третьих - на то, что тот святой муж, который явил столь великую силу на других людях, не мог этого же сделать на тебе, возлюбленный, и не только он, но и бывшие с ним, которые даже сильнее его, все отошли от тебя одинаково безуспешными. Кроме того по словам твоим, ты сильно скорбишь и потому еще, что сила уныния так овладела твоею душою, что часто ты едва не бросался в петлю, или в реку, или в пропасть. Есть и пятая жалоба, состоящая в том, что ты видишь, как твои сверстники и вместе с тобою начавшие вести подвижническую жизнь благодушествуют, а ты еще находишься в жесточайшей буре и живешь в самой ужасной темнице. По словам твоим, не столько должно плакать закованным в железо, сколько связанным этими цепями. Затем, говорил ты мне, и еще нечто сильно беспокоит тебя: ты боишься и трепещешь за отца, как бы он, узнав об этом, не

сделал больших неприятностей принявшим тебя вначале святым; потому что, надеясь на свою силу и богатство и предавшись скорби, он отважится против них на все и не удержится ни от чего, что ему вздумается. До настоящего времени мать могла скрывать от него случившееся и отвлекать его, когда он искал тебя; но с течением времени притворство матери откроется, и он жестоко поступит и с нею и с монахами. Но верх несчастья в том, что ты не можешь надеяться и на будущее и не знаешь точно, прекратится ли и окончится ли когда-нибудь эта болезнь, после того, как ты столько раз надеялся на исцеление и потом опять подвергался прежним мучениям. Все это, конечно, в состоянии обеспокоить душу и исполнить великого смущения, но душу слабую, неопытную и беспечную. Если же мы захотим быть несколько внимательными и благочестиво рассудить, то рассеем эти причины уныния, как мелкую пыль. Не подумай, будто я теперь так легко обещаю тебе это потому, что я сам чужд этой скорби и бури. Если слова мои и покажутся иным невероятными, несмотря на это я буду говорить; а ты сам, конечно, не будешь вместе с другими не доверять нам. Когда нечистый демон в первый раз напал на твою душу и поверг тебя в то время, как ты молился вместе со всеми, то хотя я и не был при этом (за что благодарю человеколюбивого Бога), однако узнал все в точности, как бы находясь там. Мой и твой друг Феофил ефесянин, пришедши, подробно рассказал мне обо всем: о корчах в руках, об искривлении глаз, о пене на устах, о страшном и невнятном голосе, трясении тела, продолжительном обмороке и сновидении, бывшем у тебя в ту ночь: тебе представилось, - говорил он, - будто дикая свинья, испачканная грязью, постоянно бросалась на тебя и боролась с тобою; и когда спавший подле тебя, встревоженный этим видением, проснулся, то увидел, что тебя опять мучит демон.

2. Когда он рассказал об этом, то навел на нас такую же мглу, в какую демон поверг тебя, возлюбленный! Но когда я, спустя долгое время, пришел в себя, то все неприятное в этом мире перестало казаться мне неприятным и все приятное - приятным; издавна познав всю суету житейского, я почувствовал ее тогда еще более, и любовь моя к твоему благочестию сделалась сильнее. Таково свойство несчастий: они обыкновенно усиливают дружбу; это видно из того, что они легко могут прекращать и вражду. И нет человека столь жестокого и бесчувственного, который, видя врага своего в несчастье, мог бы еще питать к нему ненависть. Если же мы жалеем даже врагов и поступаем с ними как с друзьями, когда видим их претерпевающими какое-либо несчастье, то подумай, что должен был чувствовать я, видя в тяжких муках уныния того, кто для меня любезнее всех и кем я дорожу, как своею головою. Не думай же, будто мы чужды твоей скорби, и поэтому не принимай моего утешения с подозрением. Хотя я, по милости Божией, и свободен от мучений и нападений лукавого демона, но не менее твоего чувствую уныние и скорбь от этих мучений, чему поверит мне всякий, кто умеет любить так, как должно любить. Стряхнем же с себя эту пыль; тогда сносно и легко будет это уныние по свойству своему, если только мы не захотим беспечно предоставить этому чувству увлекать нас в пропасть, но постараемся воспрянуть духом и размыслить, что надобно делать. Многие из кажущихся несчастий представляются великими и невыносимыми, пока не будут хорошо рассмотрены; а кто рассмотрит их разумно, тот найдет, что они гораздо легче, чем о них думали; это, надеюсь, случится и теперь. Итак ободрись, не следуй пустому и неразумному мнению толпы и не делай врага более сильным против нас. Если бы я говорил с кем-нибудь из неверных или думающих, будто все происходит случайно, или приписывающих промышление о мире лукавым демонам, то мне предстояло бы много труда, чтобы сначала опровергнуть

ложное мнение и внушить убеждение в истинном Промысле о вселенной, а потом обратиться к утешению; но так как ты, по благодати Божией, с детства знаешь священное Писание и, приняв от предков истинные и спасительные догматы, несомненно веруешь, что Бог промышляет обо всем и особенно о верующих в Него, то, оставив эту, часть речи, начнем с другого. Когда Бог сотворил ангелов, - или лучше поведем речь с высшего, - прежде, нежели получили бытие ангелы и прочие силы небесные, существовал Бог, не имеющий начала бытия Своего. Как Существо никогда не имеющее ни в чем нужды (ибо таково Божество), он сотворил ангелов, архангелов и прочие бестелесные существа; сотворил единственно по благодати Своей, а не почему-либо иному. Если бы Он не был высочайше благ, то и не сотворил бы тех, в чьем служении не нуждался. По сотворении их, Он творит, опять по той же самой причине, и человека, и весь этот мир. Одарив человека бесчисленными благами, Он поставил это малое и немощное существо владыкою над таким множеством творений, сделав его на земле тем же, что сам Он на небесах. Ибо слова: "сотворим человека по образу Нашему и по подобию" (Быт. 1, 26), означают не что иное, как то, что и человеку дана власть над земным. Сотворив его и поставив в такой чести, Бог назначил ему, как парю, парское, прекраснейшее на всей земле место пребывания - рай. Кроме того, желая и другим способом показать ему, насколько он выше прочих тварей, Бог приводит к нему всех животных и повелевает дать всем им имена; но ни одного из них не дает ему в помощники, представляя и причину: "не нашлось помощника", говорит, "подобного ему" (Быт. 2:20). Показав этим человеку, что он занимает середину между двумя естествами (небесным и земным), что он выше всего земного и что из множества этих творений ни одно не равно ему, Бог творит потом жену, и этим удостоивает его новой чести и ясно показывает, что жена создана для него, как и Павел говорит: "и не муж создан для жены, но жена для мужа" (1 Кор. 11:9). И не этим только Бог отличил человека, но и тем, что ему одному из всех творений сообщил дар слова, удостоил его познания о Себе, позволил наслаждаться собеседованием с Собою, сколько это было для него возможно, обещал дать ему бессмертие, исполнил его великою мудростию и даровал ему духовную благодать, так что он изрекал некоторые пророчества. Всем этим Бог одарил человека тогда, когда с его стороны еще не сделано было никакого доброго дела. Как же поступил человек после столь многих и великих благодеяний? Он более поверил врагу, нежели даровавшему все это, и, презрев заповедь Творца, предпочел обольщение того, кто старался совершенно погубить его и лишить всех благ, - предпочел несмотря на то, что диавол не оказал ему никакого, ни великого ни малого, благодеяния, а только сказал ему несколько слов. Но погубил ли Бог человека за то, что он проявил такую неблагодарность в самом начале и, так сказать, на первом шагу своем? По справедливости следовало бы погубить и исторгнуть из среды живых того, кто, получив бесчисленные блага, в самом начале жизни заплатил за эти блага непослушанием и неблагодарностию. Но Бог продолжал благодетельствовать ему не меньше, чем прежде, показывая, что хотя бы мы тысячу раз согрешили и отступили от Него, Он никогда не перестанет устроить наше спасение, и что, если мы обратимся, то спасемся; если же будем упорствовать во зле, то по крайней мере ясно будет, что Бог делает все, от Него зависящее. Так и изгнание из рая, и удаление от древа жизни, и осуждение на смерть кажется делом наказующего и отмщающего, но на самом деле есть не меньше прежнего дело Промышляющего (о человеке). Хотя эти слова и представляются странными, однако они истинны: события, конечно, были противоположны одни другим, но цели тех и других одинаковы и согласны; то есть, изгнание из рая, поселение в виду его, запрещение (вкусать)

от древа жизни, удаление от этого древа, осуждение на смерть, временное отдаление этого осуждения, все это так же, как и прежние благодеяния, сделано для спасения и чести человека. О прежнем я не буду говорить ничего (потому что это очевидно для всякого), но о последнем надобно сказать.

3. Как же мы узнаем, что и последнее сделано для пользы человека? (Узнаем), если размыслим, чему подвергся бы он, если бы этого не было. Чему же он подвергся бы? Если бы человек, после обещания диавола - сделать его по преступлению заповеди равным Богу, остался в той же чести, то впал бы в три крайние бедствия. Во-первых, стал бы считать Бога недоброжелательным, обольстителем и лжецом, во-вторых, действительного обольстителя, отца лжи и злобы, - благодетелем и другом; и кроме того продолжал бы впредь грешить бесконечно. Но Бог избавил его от всего этого, изгнав тогда из рая. Так и врач если не трогает раны, то дает ей более загноиться; если же вырезывает, то останавливает дальнейшее распространение гнилости язвы. Что же из этого? - скажет кто-нибудь, Бог не остановился на этом, но еще наложил на человека подвиги и труды; потому что ничто так не малоспособно пользоваться покоем, как человеческая природа. Если уже и теперь, когда лежат на нас такие труды, мы грешим непрестанно, то на что не дерзнули бы, если бы Бог оставил нас при удовольствиях еще и в бездействии? "Праздность", говорит Писание, "научила многому худому" (Сир. 34:28). Это изречение подтверждают как ежедневные события, так и случившееся с нашими предками. "И сел народ", говорит Писание, "есть и пить, а после встал играть" (Исх. 32:6). И еще: "И утучнел Израиль, и стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога, создавшего его, и презрел твердыню спасения своего" (Втор. 32:15). Согласно с этим говорит и блаженный Давид: "Когда Он убивал их, они искали Его и обращались, и с раннего утра прибегали к Богу" (Пс. 77:34). И к Иерусалиму Бог говорит чрез Иеремию: "Вразумись, Иерусалим, чтобы душа Моя не удалась от тебя, чтоб Я не сделал тебя пустынею, землею необитаемою" (Иер. 6:8). А что не только злым, но и добрым людям спасительно подвергаться уничижению и страданию, об этом пророк еще говорит так: "Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим" (Пс. 118:71). После него и Иеремия говорит то же самое, хотя не теми же словами: "благо человеку, когда он несет иго в юности своей; сидит уединенно и молчит" (Плач.3:27-28); и о себе самом молит Бога так: "не пощади меня во отчуждение мне в день лютый" (Иер. 17:17). И блаженный Павел, который столько просиял благодатью и превзошел человеческую природу, имел тем не менее нужду в этом благотворном средстве; посему и говорил: "дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но [Господь] сказал мне: "довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи"(2 Кор. 12: 7-9). Хотя евангельская проповедь могла быть совершена и без гонений, без скорбей, без трудов и подвигов, однако Христос не восхотел этого, промышляя о проповедниках. Поэтому и сказал им: "в мире будете иметь скорбь" (Ин. 14:33). И желающим войти в царство небесное Он повелел идти тесным путем, так как иначе невозможно достигнуть его (Мф. 7:13). Итак скорби, искушения и все случающиеся с нами неприятности не менее радостей доказывают Божие о нас попечение. И что я говорю о здешних скорбях? Самая угроза геенною, не менее обетования царства небесного показывает Божие человеколюбие. Если бы Он не угрожал геенною, то не скоро можно было бы достигнуть небесных благ. Одно обетование благ не достаточно для побуждения к добродетели, если не

имеющих усердия к ней не поощряет и страх наказания. Поэтому Бог и первозданного человека в начале изгнал из рая, так как дарованная ему честь сделала бы его хуже, если бы осталась твердою и непоколебимою после нарушения заповеди. И что я говорю об Адаме? Чего не сделал бы Каин, живя в раю и наслаждаясь его утехами, если он, и лишившись этого и имея пред глазами своими наказание, постигшее отца, не вразумился, но впал еще в большее нечестие: первый и изобрел и совершил убийство, и убийство самое преступное? Он не мало по малу и не в течении долгого времени дошел до этого нового злодеяния, но внезапно и вдруг достиг самой вершины нечестия, - подстерег и убил того, кто произошел из одной с ним утробы и не оскорбил его ничем; или может быть Каин счел за оскорбление себе, что Авель угодил Богу? Впрочем, по моему мнению, и здесь ты можешь усмотреть человеколюбие Божие: когда Каин оскорбил самого Бога, Творец вразумляет его словами и утешает в скорби; но когда он совершил преступление против брата, тогда уже Бог являет гнев Свой и налагает наказание. Между тем и первое заслуживало такого же, если не более жестокого наказания. Если у людей считается проступком и обидою, когда кто-нибудь из рабов лучшее сбережет для себя, а худшее подаст господину: не тем ли более это применимо в отношении к Богу? Но Каин совершил не только этот грех, но и другой не меньший, - позавидовал чести брата. Если бы он раскаялся в грехе своем, то угодил бы Богу этою прекрасною переменою; но не от раскаяния, а от зависти и ненависти происходило его смущение, как показал это конец дела. Каин почти разгневался на Бога за то, что Бог, оскорбленный им, не почтил его и не предпочел злого доброму; однако Бог, не смотря на то, что грехи Каина требовали тяжкого наказания, поступает с грешником гораздо милостивее, чем он заслуживал, и пытается успокоить раздраженную душу его. Ибо скорбь Каина происходила от раздражения; потому Бог и говорит ему: умолкни (Быт. 4:7). Так говорил Бог, хотя и знал, до чего дойдет злоба Каина; но Он хотел отнять у неблагодарных всякий предлог (к ропоту). Если бы Каин наказан был в самом начале, то многие стали бы говорить так; „разве нельзя было наперед внушить словами, вразумить и утешить, а потом и наказать, если бы Каин остался при прежнем расположении? Наказание его весьма жестоко и строго". Поэтому Бог долго терпит наносимые Ему оскорбления, чтобы заградить уста таким людям, и вместе показать, что Он и отца Каинова наказал по Своей благодати, и кроме того - последующих людей привести к покаянию таким Своим милосердием. Когда же Каин по упорству своему и нераскаянности сердца собрал себе гнев (ср. Рим. 2:5), тогда Он и наказывает; если бы Каин и после убийства остался ненаказанным, то решился бы и на другое, еще большее зло. Нельзя сказать и того, что он согрешил по неведению: мог ли он не знать того, что знал младший брат? Впрочем, если угодно, положим, что первое (преступление) произошло от неведения; но после того, как он услышал: умолкни, - после того, как получил прощение, неужели по неведению он решился на убийство, осквернил землю и нарушил законы природы? Видишь ли, что и первое происходило не от неведения, а от злобы, лукавства и крайнего нечестия? Какое же наказание за все это? "Стенающим и трясущимся будешь на земле", говорит Бог (Быт. 4:12). Наказание, по-видимому, тяжкое; но оно не будет таким, если мы размыслим о грехе и внимательно рассмотрим самое наказание. Каин после того, как неправо принес жертву (ср. Быт. 4:7), обиделся на то, что он оскорбивший не почтен оскорбленным Богом, отверг Его внушение, первый дерзнул совершить убийство, или лучше сказать, грех еще более преступный, чем убийство, опечалил родителей, солгал пред Богом. "Разве", сказал он, "я сторож брату моему" (Быт. 4:9)? И за все это наказывается только страхом и трепетом! Впрочем можно сказать, что

благость Божия видна здесь не из того только, что наказание легче греха, но из того, что в наказании заключается немалая польза. А польза та, что все последующие люди вразумляются наказанием Каина и становятся лучшими. Поэтому Бог не тотчас предал Каина смерти; потому что не все равно - слышать ли, что какой-то Каин, убивший брата, подвергся смерти, или видеть этого убийцу несущим наказание. В первом случае могли бы и не поверить рассказу по чрезмерности преступления; а теперь, когда Каин был видим и многие в течение долгого времени были свидетелями его наказания, событие стало очевидным и достоверным и для современников и для потомков. Но, скажут, какая же польза от этого ему самому? Весьма большая: Бог заботился и о его спасении, когда словесным вразумлением умерял его ярость, насколько от Него зависело. Но если рассмотреть и самое наказание, то и от него окажется великая польза. Если бы Бог тотчас умертвил Каина, то не дал бы ему времени для раскаяния и исправления. Теперь же он, продолжая жизнь в страхе и трепете, мог бы получить от такой жизни великую пользу для себя, если бы не был крайне бесчувственным и больше - зверем, нежели человеком. Кроме того, настоящее наказание уменьшало для него тяжесть будущего мучения; потому что наказаниями или бедствиями, которые посылает на нас Бог в настоящей жизни, устраняется немалая часть будущих мучений. Свидетельства на это можно привести из божественных Писаний. Христос, беседуя с учениками и повествуя о Лазаре, говорит, что Авраам, когда богач просил его оросить немного концом перста горящий язык, сказал ему: "чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь - злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь" (Лк. 16:25). А Павел (когда говорю о Павле, то также разумею заповеди Христа, потому что Им была движима эта блаженная душа), когда пишет к коринфянам о блуднике, повелевает предать его сатане "во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа" (1 Кор. V, 5). И еще, беседуя с ними же о тех, которые недостойно приобщаются таин, говорит: "от того многие из вас немощны и больны и немало умирает. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром" (1 Кор. 11:30-32). Видишь ли неизреченное человеколюбие и беспредельное богатство благодати? Видишь ли как Бог делает и предпринимает все, чтобы мы, и согрешивши, потерпели наказание легче заслуженного, или даже совершенно от него избавились?

4. Если же кто скажет: почему Бог не уничтожил древнего искусителя, то (ответим, что) и здесь Он поступил так, заботясь о нас. Если бы лукавый овладевал нами насильно, то этот вопрос имел бы некоторую основательность; но так как он не имеет такой силы, а только старается склонить нас (между тем как мы можем и не склоняться), то для чего же устранять повод к заслугам и отвергать средство к достижению венцов? Притом, если бы Бог, зная, что диавол неодолим и может всех покорить себе, оставил его в мире, и тогда не следовало бы предлагать подобного вопроса; и тогда мы сами были бы виновны, если бы он одолевал и побеждал тех, которые не противятся ему, но подчиняются добровольно. Однако сказанного было бы недостаточно для тех, кто не хочет вразумиться. А если много есть таких, которые уже преодолели силу дьявола, и много еще будет таких, которые преодолели, - для чего же имеющих прославиться и одержать блистательную победу лишать этой чести? Бог для того оставил дьявола, чтобы и те, которые уже побеждены были им, низложили его самого; а это для дьявола тяжелее всякого наказания и может довести его до конечного осуждения. Но, скажет кто-нибудь, не все могут преодолеть его. Что же из этого? Гораздо справедливее, чтобы

доблестные имели повод к обнаружению своей доброй воли, а недоблестные наказывались за собственное нерадение, нежели, чтобы первые терпели вред за вторых. Теперь порочный, если и терпит вред, то потому, что его побеждает не враг, а его собственное нерадение, как это доказывается тем, что многие побеждают дьявола. Тогда же добродетельные потерпели бы вред за порочных, потому что из-за них не имели бы повода показать свое мужество; и было бы то же, как если бы распорядитель при ратоборстве, имея двух борцов, из которых один готов сойтись с противником, выказать много мужества и получить в награду венец, а другой предпочитает утомительной борьбе бездействие и веселье, удалил противника и их обоих отпустил без дела. Здесь храбрый потерпел бы вред из-за негодного; а последний худ не из-за храброго, а по собственной негодности. Кроме того, хотя настоящий вопрос касается по-видимому дьявола, но такое умствование, простираясь далее по связи мыслей, во многих отношениях поведет к обвинению и порицанию Промысла Божия и подвергнет нареканию все мироздание. Так оно осудит создание уст и глаз; потому что через глаза многие получают пожелание того, чего не должно, и впадают в прелюбодеяние, а устами иные произносят богохульства и преподают пагубное учение. Неужели же поэтому людям надлежало быть без языка и без глаз? Так отсечем и ноги, отрубим и руки; потому что руки иногда обагрятся кровию, а ноги бегут на грех. И уши не могли бы избежать такого же строгого осуждения, потому что и они воспринимают тщетную молву и передают душе пагубное учение; отсечем же и их. А если так, то и пища, и питье, и небо, и земля, и море, и солнце, и свет, и луна, и хор звезд, и все роды бессловесных животных, - все они на что будут полезны, когда тот, для кого они созданы, обезображен столь жалким образом? Видишь ли, до каких смешных и нелепых мыслей неизбежно доводит такое умствование? Дьявол зол для себя, а не для нас; мы же, если захотим, можем приобрести через него много и добра, конечно, против его воли и желания; в этом и открывается особенное чудо и превосходство человеколюбия Божия. То, что люди делаются лучшими, само по себе уже терзает и мучит дьявола; а когда мы будем достигать этого через него же, то он не в состоянии будет и перенести такого посрамления. Но как это достигается через него? Когда мы, страшась его жестокости, постоянных наветов и непрерывных козней, будем отгонять от себя тяжкий сон, бодрствовать и всегда помнить о Господе. Это не мои слова, а блаженного Павла, послушай, как он почти теми же словами пробуждает спящих из числа верных. В послании к ефесянам он говорит так: "наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной" (Ефес. 6:12). Так говорил он не с тем, чтобы лишить их мужества, но чтобы ободрить. И Петр говорит: "трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш дьявол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить"(1Пет. 5:8). Это сказал он, желая сделать нас более мужественными и внушить, чтобы мы более прилеплились к Богу. Кто видит наступающего врага, тот скорее прибегает и прилепляется к могущему помочь. Так и малые дети, когда увидят что-нибудь страшное, бегут в объятия матери, хватаются за одежду ее, крепко держатся за нее, и не отстают, не смотря на старания многих оттащить их прочь; а когда нет ничего страшного, они не слушают ни ее зова, ни побуждения, отвергают ее приглашения, отворачиваются, когда она всячески старается приманить их к себе, и даже не смотря на предложенную пищу. Поэтому многие матери, когда не действуют убеждения, посредством пугал и страшилищ ухищряются возвратить к себе детей и убеждают их опять прибежать к ним. Так бывает не только с детьми, но и с нами. Когда лукавый устрашает и смущает нас, тогда мы вразумляемся, тогда познаем самих себя, тогда с великим усердием

прибегаем к Богу. Но если бы дьявол был уничтожен в самом начале и не существовал, то, может быть, многие не поверили бы тому, что было, т. е. что он оболестила человека и лишил его многих благ; а сказали бы, что это сделал Бог по недоброжелательству и зависти. Если и теперь, после столь ясных доказательств оболещений дьявола, некоторые дерзают говорить это, то чего не сказали бы, чего не наговорили бы, если бы вовсе не испытали злобы его? Впрочем, если обратить строгое внимание на дела, то (можно заметить, что) на худое не всегда толкает нас дьявол; хотя он делает нам много зла, но много и мы сами вредим себе, единственно по своей беспечности и нерадению. Обратимся опять к тому, с чего начали. Когда дьявол приступал к Каину и внушал ему совершить убийство? С матерью его он открыто разговаривал и соблазнял ее, а с ним не делал этого; если скажут, что он вложил в него злые помыслы, то и это зависело от самого Каина, который принял внушение, послушался и подал дьяволу повод к наступлению. Однако Бог и тогда не оставил Каина, но продолжал научать и вразумлять его тем самым, чем, по-видимому, наказывал его. Но что я говорю о наказании Каина, одного человека, когда и потоп, в котором погибло столько людей, может открыть нам Божие промышление? И во-первых, Бог не вдруг, и не внезапно навел это бедствие, а предсказал о нем, и не за короткое время, но еще за сто двадцать лет. Потом, чтобы люди, по причине отдаленности предсказанного, не забыли и не впали в беспечность, Он повелел строить пред глазами их ковчег, который яснее всяких слов говорил об угрозе Божией. Каин уже изгладился из памяти людей, а этот ковчег, находившийся перед их глазами, постоянно напоминал об угрожавшем бедствии. Но люди и после этого не вразумились, а продолжали вызывать и навлекать на себя бедствие. Бог никогда бы не захотел угрожать потопом и наводить его, равно как угрожать и геенною, но всему причиною - мы сами. Зная это, премудрый говорил: "Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих"(Прем. Сол. 1:13). И сам Бог чрез пророка говорит так: "разве Я хочу смерти беззаконника? говорит Господь Бог. Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив?" (Иез. 18:23, ср. Иез.33:11). Если же мы не обращаемся, то сами навлекаем на себя гибель и смерть, а не Бог, который не хочет, чтобы мы погибли, и показывает путь, как избежать дьявола. Но это ли только можем мы сказать о потопе, и не найдем ли какой-либо пользы, от него происшедшей? Невозможно и сказать, сколько пользы произошло от него как для самих погибших, так и для последующих людей. Первые были удержаны от дальнейших преступлений; а последние получили еще большую пользу, так как вместе с самими грешниками уничтожена была, так сказать, закваска и причина зла. Если люди и без примеров легко могут изобретать зло, то чего бы они не сделали, если бы многие поощряли их к порочным делам? Чтобы этого не случилось, чтобы последующие люди не имели столь многих учителей зла, Бог одновременно погубил всех их.

5. Но как мудро, или вернее, как безумно суждение тех, которые, не желая делать ничего доброго, придумывают и говорят все, чтобы вину собственных грехов сложить на Бога! Если бы, говорят они, Бог не попустил, то дьявол и не приступил бы, и не прельстил сразу. Но тогда Адам и не узнал бы, какое имел он благо, и никогда не смирил бы своей гордости. Кто так высоко думал о себе, что надеялся быть богом, на что не дерзнул бы, если бы не был вразумлен? Предположим, что дьявол не внушил бы ничего Еве и ни слова не сказал бы ей о древе: неужели в таком случае прародители не пали бы никогда? Нельзя этого сказать. Кто так легко послушался жены, тот и без дьявола, сам по себе, скоро впал бы в грех, за что подвергся

бы еще большему наказанию. Притом и в настоящем событии не одно обольщение дьявола было причиною всего зла, но жена увлеклась собственною похотью и пала. На это указало и Писание, сказав: "и увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела" (Быт. 3:6). Говорю это теперь не с тем, чтобы освободить дьявола от обвинений в коварстве, но чтобы показать что, если бы первые люди не пали добровольно, то никто не заставил бы их пасть. Кто так легко принял обольщение от другого, тот и прежде обольщения был беспечен и невнимателен; и дьявол не имел бы такого успеха, если бы вступил в разговор с душой бодрствующей и внимательной. Но есть люди, которые, когда их опровергнут с этой стороны, оставив дьявола, обращаются к заповеди и, не касаясь согрешившего человека, обвиняют Бога и говорят: для чего Он дал людям заповедь, когда знал, что они согрешат? И это - слова дьявола и измышления ума нечестивого. Бог, дав заповедь, показал большее попечение (о людях), нежели когда бы Он не дал ее; это видно из следующего. Положим, что Адам, которого воля была так беспечна, как показали последствия, не получил бы никакой заповеди, и продолжал наслаждаться блаженством; к худшему, или к лучшему повела бы его беспечность и изнеженность от этих наслаждений? Для всякого очевидно, что он, ничем не озабоченный, дошел бы до крайней степени зла. Если он, еще неуверенный в бессмертии, только с сомнительною надеждою на него, дошел до такой гордости и безумия, что надеялся сделаться богом, хотя и видел, что обещавший ему это ни в каком отношении не заслуживает доверия, то до какого безумия не дошел бы он, если бы несомненно обладал бессмертием? Какого бы не сделал греха? Стал ли бы когда-нибудь повиноваться Богу? Обвиняя Бога, ты поступаешь так, как те, которые стали бы винить запрещающего блудодеяние за то, что слышавшие это запрещение станут блудодействовать. Не крайне ли безумны такие слова? Если бы к человеку, не получившему заповеди, дьявол приступил с советом отступить от Бога, то легко склонил бы его в этом; потому что кто по получении заповеди презрел Давшего ее, тот, если вовсе ничего не слышал от Него, скоро позабыл бы даже то, что он находится под властью Господа. Поэтому Бог Своєю заповедию заранее научил его, что он имеет Господа, Которому во всем должен повиноваться. Но, скажут, какая польза произошла от этого? Если бы даже никакой пользы не было, и это следовало бы ставить в вину не Богу, преподавшему наставление, а человеку, который не внял этому прекрасному внушению. Между тем дарование заповеди не осталось бесполезным и после ее нарушения: и то, что первые люди скрылись, и исповедали грех, и старались сложить вину преступления муж на жену, а жена на змия, - все это показывает, что они убоялись, вострепетали и признали над собою власть Божию. А как полезно было от сатанинской надежды быть богами перейти к такому страху, это понятно для всякого. Тот кто мечтал о равенстве с Богом, так смирил и уничижил себя, что боится наказания и мучения и признается в грехе своем! Не бессознательно грешить, а скоро замечать и сознавать грех свой есть дело весьма важное, - начало и путь, ведущий к исправлению и перемене к лучшему. Итак всю благодать Господа к нам ни познать, ни изъяснить невозможно; я же скажу главное из того, что мы знаем. После такого преслушания, после столь многих грехов, когда сила греха овладела всею вселенною, когда роду человеческому надлежало потерпеть самое жестокое наказание, совершенно погибнуть и самому имени его изгладиться, тогда Бог и оказал нам величайшее благодеяние, Он предал на смерть Единородного Своего за врагов, отступивших, отвратившихся и ненавидевших Его, и чрез Него примирил нас с Собою, и обещал даровать нам царство небесное, жизнь вечную и бесчисленные блага, которых "не видел глаз, не

слышало ухо", и которые "не приходили на сердце человеку" (ср. 1 Кор. 2:9). Что может сравниться с этою попечительностью, человеколюбием, благостью? Поэтому и сам Он говорит: "Но как небо выше земли, так путь Мой выше путей ваших, и мысль Моя выше мыслей ваших" (Ис. 55, 9). И кротчайший Давид, рассуждая о человеколюбии Его, говорит: "как высоко небо над землею, так велика милость [Господа] к боящимся Его; как далеко восток от запада, так удалил Он от нас беззакония наши; как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его" (Пс. 102:11-13), и даже еще более, чем отец, но мы не знаем другого лучшего примера высочайшей любви. Выше этого пример представил Исаия, указав на мать, которая гораздо больше отца бывает привязана к детям. Он говорит так: "забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя" (Ис. 49:15), показывая этим, что милосердие Божие выше естественной привязанности. Так говорили пророки; а Христос, беседуя с Иудеями, сказал: "если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него" (Мф. 7:11), выражая этими словами не что иное, как то, что насколько отличается добро от зла, настолько Божия попечительность отличается от родительской. Но не останавливайся на этом, а проникай умом еще далее. Это сказано применительно к твоему пониманию; между тем, у Кого премудрость и благость беспредельны, у Того и человеколюбие таково же. Если же мы не замечаем Его человеколюбия в каждом событии, то и это знак его беспредельности. Бог ежедневно устраивает для нашего спасения много такого, что известно Ему одному. Он благодетельствует роду нашему по благости Своей, не нуждаясь ни в прославлении от нас, ни в каком-нибудь другом возмездии, и посему очень многое оставляет сокрытым от нас; а если иногда и открывает, то и это делает для нас, чтобы мы, проникнувшись чувством благодарности, сподобились еще большей помощи Его. Будем же благодарить Его не только за то, что знаем, но и за то, чего не знаем; потому что Он благодетельствует нам, не только когда мы желаем того, но и когда не желаем. Зная это, и Павел внушал благодарить "всегда и за все" (Еф. 5:20). А, что Бог печется не только о всех вообще, но и о каждом в отдельности, это можно слышать от Него самого, когда Он говорит так: "нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих" (Мф. 18:14), разумея верующих в Него. Он желает, чтобы и неверующие в Него все спаслись, исправившись и уверовавши в Него, как и Павел говорит: "хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины" (1 Тим. 2:4); и сам Он говорил иудеям: "пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию" (Мф. 9:13); и еще: "милости хочу, а не жертвы" (Мф. 9:13; Ос. 6:6). Даже когда люди и при такой попечительности о них не захотят исправиться и познать истину, и тогда Он не оставляет их; но так как они добровольно сами лишают себя небесной жизни, то Он доставляет им, по крайней мере, все необходимое для настоящей жизни, повелевает солнцу сиять на злых и добрых, посылает дождь на праведных и неправедных, и полагает все прочее для продолжения настоящей жизни (Мф. 5:45). Если же Он так промышляет о врагах Своих, то оставит ли когда без попечения верующих в Него и угрожающих Ему по силам своим? Нет, нет; о них Он более всех печется: "у вас и волосы на голове", говорит Он, "все сочтены" (Лк. 12:7).

6. Итак, когда подумаешь, что ты для Христа оставил отца, дом, друзей, родных, несчетное богатство и великую славу, и терпишь теперь такую скорбь, то не падай духом; от чего рождается недоумение, тем самым и разрешится наше недоумение. Как? Бог не может солгать; а Он тем, кто оставит все это, обещал вечную жизнь. Ты презрел и оставил все: что

же тебе препятствует надеяться на это обещание? Постигшее тебя теперь искушение? Но что оно по отношению к обещанию? Бог обещал нам вечную жизнь не здесь; а если бы даже и здесь надлежало исполниться этому обещанию, и тогда не следовало бы скорбеть; потому что человеку благочестивому и верующему надобно так крепко полагаться на обетования Божии, чтобы, видя и противоположные им события, не смущаться и не отчаиваться в их исполнении. Смотри, какое обетование получил верный Авраам, и что повелевалось ему делать? Обетование состояло в том, что потомки его от Исаака наполнят всю вселенную; а повеление требовало, чтобы он заклал того самого Исаака, потомками которого должна было наполниться вся земля. Что же? Смutilo ли это праведника? Нет; и при таком разногласии и противоречии повеления с обетованием, он не смutilся, не усомнился и не сказал чего-нибудь такого: „Бог одно обещал, а другое теперь заставляет меня делать; от этого сына обещал мне великое множество потомков, а теперь повелевает заклать его; как же то сбудется, если пресечется этот корень? Верно, Бог обманул меня и посмеялся надо мною". Ничего такого Авраам не сказал, даже и не подумал, и весьма справедливо; потому что если обещает Бог, то, хотя бы представлялись тысячи препятствий к исполнению обещанного, не должно смущаться и сомневаться в исполнении. Действие силы Божией в том особенно и состоит, чтобы из безвыходного положения находить выход; так рассуждал тогда и блаженный Авраам. Поэтому Павел изумлялся вере его и сказал: "Верую Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака и, имея обетование, принес едиnorodного" (Евр. 11:17), указывая и намекая на то самое, о чем я теперь сказал. И не один Авраам, но и правнук его Иосиф, хотя и видел, что данное ему обетование остается без исполнения в течение долгого времени и по многим обстоятельствам, однако остался непреклонным, потому что он обращал взоры свои только к Обещавшему; а если бы он предался человеческим рассуждениям, то отчаялся бы в исполнении обетования. Виденный им сон предвещал поклонение ему братьев и родителей, а события были не таковы, и во многом не соответствовали этому. Во-первых, те самые, которые должны бы кланяться ему, ввергают его в ров и, продав иноплеменникам, отправляют его в чужую и дальнюю землю; эти события казались столь противоречащими сновидению, что сами несчастные (братья его) насмеялись над ним, и говорили: "вот, идет сновидец; пойдем теперь, и убьем его, и бросим его в какой-нибудь ров, и скажем, что хищный зверь съел его; и увидим, что будет из его снов" (Быт. 37:19-20). Затем и купившие Иосифа опять продают его не какому-либо свободному человеку, но царскому рабу. И этим еще не окончились его несчастья, но, подвергшись клевете госпожи и быв осужден, он много лет жил в темнице, и, хотя другие выходили оттуда, оставался там еще долгое время. Несмотря на столь многие обстоятельства, которые могли смутить душу его, он остался непоколебимым. Таково же и наше положение, или вернее, оно еще более затруднительно. Нам Бог обещал царство небесное, вечную жизнь, бессмертие и бесчисленные блага, а происходящее и случающееся с нами теперь, - именно смерть, тление, наказание, мучение и различные и непрерывные скорби, - далеко не соответствуют этому. Для чего же Бог делает это и попускает такие события, которые противоречат обетованиям? Этим Он совершает два величайшие дела: во-первых, представляет нам несомненное доказательство своей силы, т. е., что Он может привести в исполнение обетования, по-видимому, самые невероятные; во-вторых, научает нашу душу верить Ему во всем, хотя бы события казались противоречащими предсказаниям. Такова сила надежды: она не постыжает того, кто искренно предан ей. Если же так поступали те, которые получали обещания здешних благ, то гораздо более должно так поступать нам, которые надеемся на исполнении благих обетований

не в настоящей жизни, но в будущем веке. Для здешней жизни Господь предсказал скорбь и тесноту. Что же смущает тебя? Почему ты не доверяешь Божью обетованию? Презреть для Него весь мир и потом говорить, что Он не печется, может только тот, кто не верит, сомневается и считает обетование Божие обманом; а это поистине значит бесноваться и навлекать на себя огонь гееннский. Однако и между людьми, преданными делам мирским, есть такие, которые живут спокойно? - Так, и это предсказал Христос: "Истинно, истинно говорю вам", говорил Он, "вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется" (Ин. 16:20). И между прежними поколениями вавилоняне, даже не знавшие Бога, пользовались богатством, властью и честью, а иудеи жили в плену, в рабстве и в крайних бедствиях. И Лазарь, достойный небес и царства небесного, лежал покрытый ранами, которые облизывали псы, и постоянно боролся с голодом; а богач жил в чести, окруженный обществом, в роскоши и удовольствиях; но все это нисколько не помогло ему в геенне, как и Лазарю голод и раны не препятствовали проводить честно настоящую жизнь; напротив он, как мужественный борец, подвизающийся в самый тяжкий зной и жар, победил и увенчан. Посему один мудрец и сказал: "если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению: управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения"(Сир. 3:1-2). И несколько ниже: "ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, – в горниле уничижения"(Сир.3:5). И еще в другом месте говорится: "Наказания Господня, сын мой, не отвергай, и не тяготись обличением Его" (Притч. 3:11). Кто ввергает золото в печь, тот знает, сколько времени следует ему находиться в огне, и когда должно оно быть вынуто; посему мудрец и говорит: "и не смущайся во время посещения", а Соломон, научая тому же самому, сказал: "не тяготись обличением Его". Скорбь - великое дело, великое для того, чтобы человек стал доблестным и научился добродетели терпения. А что, скажет кто-нибудь, если она своею чрезмерностью поколеблет и преодолет (человека)? "Верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести" (1 Кор. 10:13). Если наказание бывает от любви, а оставление без наказания от ненависти (ср. Евр. 12: 7-8), то невозможно, чтобы один и тот же вместе и любил и ненавидел одного и того же, наказывал и вместе оставлял его без внимания. Почему же, скажет кто-нибудь, многие пали? Потому, что сами отпали от Бога, а не Им были оставлены. "Ибо вот", говорит Писание, "удаляющие себя от Тебя гибнут" (Пс. 72:27). А отдалаются они тем, что не переносят вразумлений Божиих, но гневаются и негодуют на них. Как если дурные дети, будучи посланы своими отцами к учителям, стараясь избегнуть тамошних трудов и малых наказаний, совсем убегают от родителей, то не получают от этого никакой пользы, а подвергаются гораздо большим неприятностям, оказываясь в необходимости терпеть на чужбине и голод, и бесприютность, и болезни, и бесчестие, и рабство, так тоже бывает и с теми, которые не переносят с благодарностью внушения Божия, а негодуют на Него: они не только не получают от этого никакой пользы, но подвергают себя еще крайним бедствиям. Посему нам и заповедано "терпеть и укреплять сердце свое" (Пс. 26:14). Но ты подвергся страданиям гораздо тягчайшим? - Так и воспитатели детей не всем назначают равная и одинаковые упражнения, но слабым слабые, а сильным дают таких же сильных противников; потому что у кого противник окажется слабее его самого, тот не будет иметь надлежащего упражнения, хотя бы стал бороться с ним целый день. Почему же, скажет кто-нибудь, не всем, посвятившим себя одинаковой жизни, Бог определил нести одинаковые труды? Потому, что у Бога не один вид упражнений, и люди не все имеют нужду в одном и том же, хотя бы они были в одинаковых

обстоятельствах, подобно тому, как многие больные, страдающие одинаковыми болезнями, имеют нужду не в одних и тех же лекарствах, но одни - в одних, другие - в других. Посему и способы страданий различны и разнообразны: один искушается продолжительною болезнью, другой - крайнею бедностию, иной - обидами и оскорблениями, а иной - тем, что постоянно и непрерывно видит смерть своих детей и родственников, тот всеобщим презрением и отвращением, а этот - обвинением в том, чего он и не знает за собою, и навлеченным на него бременем беславия, иной иным способом, так что всего в точности и перечислить невозможно. Каждое из этих страданий, в сравнении с твоим несчастьем, тебе кажется легким и ничтожным, но если бы ты сам испытал их, то узнал бы, что твое несчастье, на которое теперь сетуешь, гораздо сноснее их. Впрочем, если некоторые и меньше нас наказываются, мы не должны соблазняться этим; потому что увеличение трудов служит к увеличению наград и бывает твердым оплотом против вольных или невольных нападений: оно обуздывает гордость, прогоняет беспечность, делает нас более благоразумными и благочестивыми. Вообще, если кто захочет перечислить все, то найдет много пользы от искушений, и никто из тех, о ком много печется Бог, не бывает без печали, хотя нам это и не так представляется.

7. Если блаженный Павел много терпел, а никого нет больше его и даже равного ему, то как можно, чтобы другие люди не нуждались в этом пособии? Если же некоторые не вразумились такими скорбями, то уже не по вине Пославшего наказание, но по собственному нерадению. Если бы не было приложено к ним врачество, то можно было бы подумать, что они погибли от невнимательности к ним; а теперь сделано не мало для того, чтобы ни в чем не винить врача, а только самих больных, и их невнимательность. Хотя некоторые, жившие честно до искушений, пали после того, как подверглись им; другие, предавшиеся всяким порокам, не испытали никакой скорби; а иные с первого возраста до последнего вздоха терпели бесчисленные несчастья - но ничем таким мы не должны смущаться и впадать (в отчаяние). Если бы мы могли и обязаны были знать действия Промысла Божия и не познали их, тогда следовало бы нам унывать и смущаться; но если и тот, кто был участником неизреченных тайн и восходил на третье небо, смутился перед этою бездною и, прикинув в глубину богатства и премудрости и ведения Божия, только изумился и тотчас отступил, то для чего мы напрасно усиливаемся узнать непостижимое и исследовать неизследимое (Рим. 11:33)? Мы не станем противоречить врачу, когда он предписывает противное тому, что нам кажется полезным, приказывает напр. охладевший член опускать в холодную воду, и делает много другого, по-видимому, странного; но заранее убедив себя, что он делает это по правилам своего искусства, охотно повинемся ему, хотя он часто и ошибается. Почему же мы будем исследовать (действия) Бога, Который так превосходит нас во всем, Который есть сама Премудрость и никогда не ошибается? Тому, у кого следовало бы требовать отчета, будем верить беспрекословно; а от Того, Кому одному должны верить, будем требовать оправдания и отчета в Его действиях, и негодовать, что этого не знаем? Свойственно ли это душе благочестивой? Нет, прошу и умоляю, не будем доходить до такого безумия, но о всем, в чем недоумеваем, будем говорить: "судьбы Твои - бездна великая!" (Пс. 35:7). Даже и то, что мы не все знаем ясно, есть дело премудрости Божией. Если бы мы повиновались Богу потому, что знали бы причины событий, то не велика была бы нам награда, и наше повиновение не было бы выражением веры; когда же мы, не зная их, с любовью покоряемся всем Его повелениям,

по истинному послушанию и искренней вере, тогда доставляем величайшую пользу душам нашим. Мы должны быть убеждены в одном только, что Богом все посылается для нашей пользы, а самого способа не исследовать, и не роптать, и не унывать, когда не знаем его. Знать его для нас и невозможно, и бесполезно; первое потому, что мы смертны; второе потому, что мы скоро увлекаемся гордостью. С своими детьми мы делаем много такого, что им кажется вредным, а на самом деле полезно для них; однако и они не смеют спрашивать о причине, и мы не убеждаем их предварительно в пользе того, что намерены делать с ними, но только внушаем им повиноваться приказаниям родителей и ни о чем более не спрашивать. Если же мы так относимся к родителям, которые одной с нами природы, и не ропщем на них, то на Бога, Который превосходит нас настолько, насколько Бог выше людей, как будем роптать за то, что мы не все знаем? Что может сравниться с подобным нечестием? Таким людям блаженный Павел с негодованием говорил: "А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: "зачем ты меня так сделал?" (Рим. 9:20)? Я указал на пример детей, а Павел привел еще гораздо лучший пример - горшечника и обделываемой им глины. Как глина принимает всякий вид, какой дают ей руки обделывающего ее, так и человеку должно поступать сообразно с тем, что повелевает Бог, и принимать с благодарностью то, что Он посылает, нисколько не противореча и не усиливаясь дознать (причину этого); потому что это непостижимо не для одних нас, но и для мужей святых и дивных, живших прежде нас. Так Иов говорил: "Почему беззаконные живут, достигают старости, да и силами крепки?", и так далее (Иов. 21:7). И блаженный Давид сказал: "А я - едва не пошатнулись ноги мои, едва не поскользнулись стопы мои, - я позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых, ибо им нет страданий до смерти их, и крепки силы их; на работе человеческой нет их, и с [прочими] людьми не подвергаются ударам" (Пс. 72:2-5). После него Иеремия также говорил: "Праведен будешь Ты, Господи, если я стану судиться с Тобою; и однако же буду говорить с Тобою о правосудии: почему путь нечестивых благоуспешен, и все вероломные благоденствуют?" (Иер. 12:1). Недоумевали и спрашивали и они, но не так, как нечестивые, не ропща на Бога и не обвиняя в несправедливости за дела Его. Напротив, один из них говорил: "Правда Твоя, как горы Божии, и судьбы Твои - бездна великая" (Пс. 35:7), а другой, много страдавший, "во всем этом не произнес ничего неразумного о Боге" (Иов. 1:22); и в книге своей, рассуждая о творении и изъясняя непостижимость премудрости и домостроительства Божия, говорил: "вот, это части путей Его; и как мало мы слышали о Нем!" (Иов. 26:14). А Иеремия, предвидя, что иной может усомниться, пред вопросом своим высказывает такое суждение: "праведен будешь Ты, Господи", т. е. я знаю, что все совершается Тобою справедливо, но способа, каким это совершается, не постигаю. Что же, узнали ли они что-нибудь больше? Нет, они не получили даже и ответа, как изъясняет блаженный Давид в словах: "и думал я, как бы уразуметь это, но это трудно было в глазах моих" (Пс. 72:16). Они не получили ответа для того, чтобы потомки научились и не спрашивать об этом. Они спрашивали только об одном, почему нечестивые наслаждаются благополучием и богатством, но и этого не узнали; а нынешние хотят узнать гораздо больше их, потому что ныне предлагается гораздо больше вопросов, чем тогда. Пусть же ясное знание предоставлено будет Тому, Кто знает все прежде, чем оно совершится.

8. Если же нам самим, на основании того, что нам уже известно, следует представить какое-нибудь решение поставленных вопросов, для успокоения тех, которым очень хочется знать об этом, то скажу, что после того, как нам открыто царствие небесное и обещано

воздаяние в будущей жизни, уже непристойно исследовать, почему (на земле) праведные живут в скорбях, а порочные в спокойствии. Если там каждого ожидает воздаяние по заслугам, то для чего возмущаться здешними обстоятельствами, счастливыми или несчастными? Здешними бедствиями Бог укрепляет покорных Ему, как мужественных борцов, а более слабых, нерадивых и неспособных переносить ничего тяжелого, предварительно располагает в готовности на добрые дела. Часто случается и обратное этому, то, что многие праведные живут в спокойствии и чести, а порочные в бесчестии и крайних бедствиях; этим для нас прежде всего опровергается предшествующее положение, что праведные терпят бедствия, а нечестивые блаженствуют. Если же оно еще нуждается в объяснении, то скажу, что Бог устроит наше благо не одинаковым образом, но, как неистощимый в средствах, пролагает нам многие пути ко спасению. Так как многие не хотят принять учения о будущей жизни и воскресении, то Он еще здесь являет в малом виде образ (будущего) суда, когда наказывает злых и награждает добрых. Вполне это совершится на том суде, но отчасти совершается сейчас и здесь, чтобы те, которые в виду такой отдаленности суда предались греху, вразумились по крайней мере событиями настоящего времени. Если бы здесь вовсе никто из злых не наказывался и никто из добрых не получал награды, то многие из неверующих учению о воскресении уклонялись бы от добродетели, как от причины зла, а ко греху прилеплялись бы, как к причине добра; с другой стороны, если бы здесь все получали воздаяние по заслугам, то некоторые подумали бы, что учение о суде излишне и ложно. Итак, чтобы и это учение не подверглось сомнению, и чтобы большинство невежественного народа по беспечности не сделалось хуже, Бог еще здесь наказывает многих из грешников и награждает некоторых из праведников; тем, что Он поступает так не со всеми, Он подтверждает учение о суде, а тем, что наказывает некоторых еще прежде суда, пробуждает спящих глубоким сном. В виду наказания порочных многие исправляются, боясь, чтобы и им не потерпеть того же самого; а вследствие того, что здесь не все получают воздаяние по заслугам, многие невольно приходят к мысли, что оно отложено до некоторого другого времени. Правосудный Бог, конечно, не допустил бы, чтобы столь многие злые умирали не наказанными, а добрые терпели бесчисленные бедствия, если бы Он не приготовил для тех и других иного состояния в будущем веке. Посему Он и наказывает и награждает не всех, а только некоторых, как например, царя персидского и Езекию, хотя много было таких нечестивых, как тот ассириянин, и добродетельных подобно Езекии, но Бог не со всеми поступил так, как с ними; причина в том, как я сказал, что еще не пришло время суда. И что это учение не мое, послушай самого Того, Кто будет тогда судить нас. Когда пришли к Нему и рассказали о смерти задавленных башнею и о безумии Пилата, которое он выказал в отношении к умершим, смешав кровь их с жертвами, тогда что Христос говорит? "думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете"(Лк, 13:2-5). В этом причина замедления. Бог для того не вдруг наказывает всех, достойных наказания, чтобы через несчастья одних все прочие сделались лучшими. Так пусть будет решен у нас предложенный вопрос. Но ты, может быть, желаешь разрешения и того вопроса, который предложен выше и который гораздо труднее этого? Впрочем я думаю, что когда этот по возможности объяснен нами, то тем самым положено начало решению и первого вопроса. Что же приводит тебя в недоумение? То, что многие от первого возраста до

смерти боролись со многими несчастиями. На это также, как и на прежнее, скажу, что Бог наказывает их, во-первых, за их собственные пороки; а потом для того, чтобы от их несчастий получили пользу и другие. Если же это бывает не со всеми, то потому, что теперь еще не время суда. Почему же, скажешь ты, некоторые, прежде нежели достигнуть того возраста, когда могут различать доброе от злого, уже несут наказание, как великие преступники? На это не одна причина, но много различных. Это может происходить и от невоздержности родителей, и от нерадения воспитателей, и от перемен в воздухе, и от множества других подобных обстоятельств. Притом, о многих из них Бог знает, что они будут порочными, и потому наперед связывает их наказаниями, как бы какими путами. Разве не видишь, что и из нищих многие, в самом прискорбном положении, совершают множество преступлений, не от горя и не от голода, но единственно по своей порочности? Однажды я слышал от некоторых людей, что нищие, схватив благородную и красивую женщину, обесчестили ее в пустынном месте. Какая нужда, какое горе побудило их к такому делу? Какого же преступления не совершили бы они, если бы несчастья не сдерживали их, как цепи? А кто мог бы переносить неистовство и необузданность заключенных в темнице? Не лучше их ведут себя и одержимые демоном. Не о том я говорю, что они делают во время припадков беснования, но о том, что бывает по прекращении этих припадков: они предаются обжорству, и воруют, и пьянствуют, и совершают еще гораздо гнуснейшие дела. Посему, как судья многих преступников оставляет на жительство в темнице на долгое время, - а часто они оканчивают там жизнь, - когда же захочет предостеречь народ, то берет одного или двух из них, садится на возвышенном месте и при всех предстоящих приказывает вести преступника на смерть, не считая нужным делать то же со всеми преступниками для устрашения прочих; так и для Бога, когда Он благоволит вразумлять нас, не нужны все злые, но Он берет некоторых из них, о которых знает, что они неисправимы, и над ними являет Свою силу и гнев, и чрез это совершает много полезного. Этим он злых располагает оставить, если они захотят, свое нечестие, и добрых делает более внимательными. и показывает Свое долготерпение, и для всех подтверждает, как я выше сказал, учение о воскресении. Но какая польза от этого, скажешь ты, тем, которые весь первый возраст свой провели в несчастиях и умерли прежде нежели успели различать добро и зло? Но какой же и вред, скажи мне, терпят они, когда еще не сознают своего несчастья, и не умеют ни печалиться, ни радоваться? И не только этим я разрешаю предложенный вопрос, но и тем, что подобными несчастиями вразумляются и родители, и братья, и родственники; и не малое бывает приобретение, если из того, от чего один не терпит никакого вреда, другой получает величайшую пользу. Впрочем на это, может быть, есть и другая какая-нибудь тайная причина, известная одному только нашему Создателю.

9. Остается еще один вопрос: почему те, которые прежде искушений жили праведно, после искушений пали? Но кто верно знает живущих праведно, кроме "Создавшего наедине сердца наши и вникающего во все дела наши" (ср. Пс. 32:15)? Многие из тех, которые кажутся добродетельными, часто оказываются порочнее всех. Это обнаруживалось и в настоящей жизни, но только относительно некоторых, по какому-нибудь случаю и по какой-нибудь необходимости. Когда же сядет судить нас Испытующий сердца и утробы, "живой и действенный и острее всякого меча обоюдоострого: проникающий до разделения души и духа, составов и мозгов, и судящий помышления и намерения сердечные" (ср. Евр. 4:12), тогда, не некоторых только немногих из многих, но всех увидишь открыто такими, каковы они

действительно, и ни волка не скроет овечья кожа, ни окраска гроба внутренней его нечистоты; потому что "нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его" (Евр. 4: 13). Это и Павел, объясняя коринфянам, говорил: "Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь. Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога"(1 Кор. 4:5). Впрочем, оставив лицемеров, скажем о живущих праведно: откуда известно, что они, имея многие добродетели, не пренебрегли главной из них - смирением? Поэтому Бог и отступил от них, чтобы они знали, что добрые дела совершали они не собственной силою, но благодатию Божиею. Если же кто скажет, что лучше гордиться делая добро, нежели смиряться согрешая, тот совсем не понимает ни вреда от гордости, ни пользы от смирения. Ты, конечно, хорошо знаешь, что человек, делающий добро с гордостью, если только можно так делать добро, скоро дойдет до крайней гибели. Кто допустил себя до падения и падением научился смирению, тот скоро, если захочет, восстанет и исправится; но кто делает кажущееся добро с гордостью и не терпит ничего неприятного, тот никогда не почувствует своей греховности, но еще увеличит зло, и незаметно для себя самого отойдет отсюда без добрых дел, как тот фарисей, который вошел в храм, думая о себе, что он богат всякою добродетелью, а вышел, узнав, что он беднее даже мытаря (Лк. 13:10). Есть и другой вид зла, имеющий великую силу упразднить добро, собранное с великими усилиями и трудами, - это ветер тщеславия. Оно действительно, как ворвавшийся ветер, развеивает все сокровища добродетели. Вот открылась нам и вторая причина падения живущих праведно, как ты сказал. Многие, кажущиеся нам перенесшими и переносящими великие труды для добродетели, за то, что делали все ради чести у людей, а не у Бога, и попущены впасть в искушение, чтобы они, лишившись людской славы, для которой терпели все лишения, и узнав, что она в сущности нисколько не лучше цвета травного, прилепились наконец к одному Богу и делали все для Него. Кроме того есть на это очень много и других причин, но они, как я сказал, сокрыты от нас, а известны Создателю нашему - Богу. Не будем же роптать на Него за происходящее с нами, но будем благодарить: это свойственно (действительно) признательным рабам. Ты удивляешься, что нечистый (дух) напал на тебя не в прежнее время, когда ты роскошествовал и окружал себя мирским блеском, но теперь, когда ты бросил все это и всецело предал себя Богу; но это подобно тому, как если бы ты удивлялся, почему зрителей никто не беспокоит, а на того, кто записался в борцы, приготовился и вышел на место борьбы, на этого одного из всех нападает противник, поражает его в голову и бьет по лицу. Не то удивительно и достойно сожаления, что демон огорчает, теснит и беспокоит решившихся на борьбу, - ибо таков закон борьбы, - но если он поборает, и низвергает, и лишает награды, - вот это ужасно! А пока он не в состоянии сделать этого, то не только не нанесет нам никакого вреда, но еще доставит величайшую пользу, сильною борьбою с нами доставив нам более чести. Так и между воинами лучше всех тот, кто может показать у себя больше ран и кто вступал в единоборство с сильнейшим из противников; и из борцов мы особенно удивляемся тем, которые вступают в борьбу с непобедимыми (так называют храбрейших из противников); и из охотников тот считается сильнейшим, кто выходит на самых диких зверей. Твой демон бесстыден и бесстрашен? Но потому я и не перестаю изумляться и удивляться тебе, что ты, получив такого противника, не пал, не выдал себя, но остался непреклонным и не уступил ему ни в чем.

10. А что я теперь говорю тебе без лести, что действительно ты получил величайшую пользу от своей скорби, то позволь мне говорить прямо; потому что иначе я не могу доказать тебе этого. Ты знаешь и помнишь свою прежнюю жизнь, т. е. жизнь до искушения; рассмотри же ее внимательно и сравни с настоящей жизнью после искушения, и ты увидишь, какая польза произошла для тебя от этого бедствия. Теперь у тебя великое усердие и к постам, и к ночным бдениям, и к занятию чтением, и к упражнению в молитвах; также и терпение и смирение достигли у тебя высшей степени; а прежде ты вовсе и не думал о книгах, и все свои заботы и труды употреблял на уход за садовыми деревьями. Многие, как я слышал, упрекали тебя даже в гордости, и объясняли ее знатностью рода, славою отца и твоим воспитанием в большом богатстве. Насколько ты был ленив в ночных бдениях, это сам хорошо знаешь. Часто, когда другие в глубокую ночь поспешно вставали, ты оставался погруженным в глубокий сон и сердился на тех, кто будил тебя. А теперь, с тех пор, как ты вступил в эту борьбу и ратоборство, все это прекратилось и переменилось на лучшее. Если же спросишь меня, почему Бог не попустил демону напасть на тебя, когда ты жил в роскоши и был привязан к делам мирским, то я скажу в ответ, что и это было делом промышления Его; Он знал, что тогда враг скоро погубил бы тебя, нашедши легко победимым. Посему Бог вызвал тебя на эту борьбу не тотчас, как только вступил ты в монашескую жизнь, но предоставил тебе упражняться в течение долгого времени, и потом, когда ты укрепился, вывел тебя на это трудное поприще. Еще ты упоминаешь о живущих в мире и указываешь на своего слугу; ведь его, я думаю, ты разумеешь, когда говоришь, что многие из мирских людей, подвергшись той же болезни, получили весьма скоро совершенное исцеление. Но, любезнейший, слуга твой и другие, которые подвергались одинаковому с ним бедствию, испытывали это не с тою целью, с какою ты теперь: на него и на других Бог попускал этого зверя для того, чтобы только устрашить их и посредством страха сделать лучшими, а на тебя для того, чтобы ты мужественно боролся, славно победил и получил венец за терпение. А победа состоит не в том, когда ратоборец еще во время зрелища уклоняется от борьбы с противником, но когда он во всякое время остается готовым на борьбу; тогда противник и унынием не будет в состоянии довести его до каких-либо негодных помыслов. И что это действительно так, я прямо заключаю из следующего. Всем известно, - хотя сам ты и уничижаешь себя, - насколько твоя жизнь лучше жизни твоего слуги. Потому и Бог промышляет и печется о тебе более, нежели о нем. Если же это ясно, то очевидно также и то, что, если бы Божие попущение было делом Его гнева, Он не стал бы так долго подвергать этому того, кого более любит, между тем как скоро избавил от демона другого, который гораздо хуже тебя. Это я могу подтвердить не только вышесказанным, но и на основании того, из чего ты заключаешь, что Бог оставил тебя, постараюсь доказать, что Он особенно заботится о тебе. Если бы ты не оказал большого усердия и не совершил далеких путешествий для собеседования с мужами святыми и имеющими силу разрешать эти узы, то иной из обыкновенных людей мог бы придти в недоумение, так как не очень ясна была бы причина, почему Бог попустил (тебе страдать) столько времени. Но так как ты посетил места мучеников, где получили исцеление многие даже из тех, которые (в бесновании) кусали людей, долгое время прожил с мужами дивными, доблестными и всегда успевавшими (исцелять больных), и не опустил решительно ничего; что могло бы освободить тебя от страдания, и однако возвратился опять с тем же врагом; то ты принес ясное и вразумительное даже для весьма невнимательных людей доказательство Божия промышления о тебе. Бог, конечно, не лишил бы тебя Своей благодати, и не допустил бы посрамления рабов Своих, если бы не видел от этого великой славы и большей пользы для тебя. Таким образом то, что по-видимому служит знаком оставления тебя Богом, есть знак великой Его любви и благоволения к тебе.

СЛОВО ВТОРОЕ

К тому же Стагирию о том, что уныние хуже демона.

В предыдущем (слове) сказано нами о Промысле Божиим и о том, что Бог испытывает тебя известным образом не по отвращению и не по ненависти, а по особенной любви. Но так как ты, по словам твоим, очень сетуешь и по другой причине, именно потому, что демон часто внушает тебе мысль погубить себя в море или пропасти, или прекратить настоящую жизнь каким-либо другим способом, то я хочу немного побеседовать и об этих помыслах. Такое внушение происходит не от него только одного, но и от твоего уныния, и даже больше от последнего, чем от первого, а может быть - и от одного уныния. Это видно из того, что многие и из тех, которые не одержимы демоном, замышляют то же только от печали. Отвергни же ее и изгони из души, тогда и демон не будет иметь силы не только на то, чтобы склонить к такому делу, но и на то, чтобы приступить к внушению. Как воры при наступлении ночи, погасив огонь, очень легко могут и похитить имущество и умертвить владельцев его, так теперь и демон, вместо ночи и мрака наведши уныние, старается похитить все охраняющие помыслы, чтобы, напав на душу лишенную их и беспомощную, нанести ей бесчисленные раны. Когда же кто, рассеяв этот мрак надеждою на Бога и обратившись к солнцу правды, поспешит принять лучи его в свою душу, тогда смятение от этих помыслов перейдет на самого разбойника; потому что и эти преступники, когда кто поймает их и внесет огонь, дрожат, робеют, смущаются. Как же, скажешь ты, освободиться от этой печали, не освободившись наперед от причиняющего ее демона? Не демон причиняет уныние, но оно делает демона сильным и внушает худые помыслы. Это может засвидетельствовать нам блаженный Павел: и он боялся не какого-нибудь демона, но чрезмерной скорби, когда писал к Коринфянам, чтобы они простили, наконец, грешнику грех его: "дабы он не был поглощен", говорит он, "чрезмерною печалью" (2Кор.2:7). Но предположим, если хочешь, что демон нападет на тебя, а уныние изгнано из твоей души: какой от этого будет вред? Какое зло, большое или малое, может причинить нам демон сам по себе? Уныние же и без него может сделать много зла, и большинство из тех, которые наложили на себя петлю, или закололись мечем, или утопились в реках, или погубили себя как-нибудь иначе, увлечены были к такой насильственной смерти унынием; если же в числе этих людей окажутся некоторые и из одержимых демоном, то и их погибель должно приписать не демону, но влиянию и силе уныния. Как же можно, скажешь ты, не унывать? Можно, если, отвергнув мнения толпы об этом предмете, будешь помышлять о горнем. Теперь твое положение кажется тебе ужасным, потому что толпа считает его таким; но если ты захочешь с точностью рассмотреть его само по себе, отрешившись от пустого и ошибочного предубеждения, то найдешь, что оно не представляет никакого повода к унынию, как это уже многократно и доказано нами. Касательно же твоих сверстников (которых благодушие и дерзновение пред братьями ты видишь и от того, я думаю, смущаешься и падаешь духом) я скажу, что если бы, в то время как они проводят жизнь в воздержании, скромности и прочих добродетелях любомудрой жизни, ты тратил все время в непотребных домах, в играх и пирушках, уныние твое имело бы причину; но если ты идешь по одному с ними пути, то от чего тебе печалиться? Если бы я говорил с кем-нибудь другим, из числа тех, которые легко увлекаются гордостью, то я умолчал бы о том, что намерен теперь сказать тебе. Но так как я вполне уверен, что ты никогда не перестанешь быть скромным, а всегда будешь

считать себя между последними, хотя бы тебя безмерно хвалили и превозносили, то скажу все, нисколько не притворствуя. Ты, я слышу, так успел в своей благочестивой жизни, что не уступаешь уже не только тем юношам, но и великим и дивным мужам. И от этих, говорят, ты не отстаешь ни в чем, ни в посте (и возможно ли иначе, когда ты питаешься только водой и хлебом, и то через день?), ни в продолжительности ночных бдений, но подобно им проводишь без сна много ночей сряду. А в препровождении дня, говорят, ты многих из них уже и превзошел; от приходящих оттуда я слышу рассказы, что у тебя все время употребляется на молитвы и слезы; и как подвигающиеся в молчальничестве, или заключившие себя уединенно в келье, ни с кем, ни о чем не разговаривают, так, говорят, поступаешь и ты, живя среди такого многолюдства. О твоём же сердечном сокрушении, о скорби и сетовании они рассказывают даже с изумлением, и этими рассказами о твоих подвигах здесь привели многих в сокрушение. Не смотрит он, говорят они, ни на кого из приходящих туда и не дает себе отдыха от постоянных трудов, часто боялись мы, чтобы он не ослепил глаз своих слезами, чтобы не повредил головного мозга чрезмерным бодрствованием и неослабным и беспрерывным упражнением в чтении.

2. Итак, тебя печалит и смущает то, что ты уже опередил сверстников, и, имея сильного и дерзкого противника, далеко оставил позади себя подвигающихся вместе с тобою! Не правду ли говорил я, что твое уныние есть только следствие предубеждения, а при внимательном рассмотрении может доставить нам много побуждений даже к благодушию? Скажи мне, какая польза не быть бесноватым, если при этом жизнь будет оставлена в пренебрежении? И какой вред от беснования, если при этом образ жизни будет строг и благоустроен? Но ты можешь быть, стыдишься и краснеешь, когда демон низвергает тебя в чьем-либо присутствии? Это происходит по той причине, что ты судишь о деле по мнению толпы, а не по благоразумию. Ниспадение не в том состоит, что, по твоим словам, случается с тобою, но в подпадении греху; при таком падении следует стыдиться и сетовать. А теперь мы стыдимся того, что не имеет в себе ничего постыдного; напротив, делая то, что в самом деле постыдно и достойно осмеяния и тяжкого наказания, думаем, что с нами не случилось ничего худого, если душа каждый день падает под тяжестью грехов, то никто не плачет; а если случится что-либо такое с телом, это кажется тяжким и невыносимым. Не в этом ли и состоит беснование, когда душа находится в таком состоянии и так ошибочно судит о вещах? Если бы твои припадки происходили от пьянства, тебе следовало бы стыдиться и унывать; тогда вина была бы произвольная, но если они происходят от насилия другого, то стыдиться должно не тому, кто терпит, но тому, кто делает обиду и насилие. Так и на площади, если во время ссоры один толкнет другого и повергнет на землю, мы все обвиняем толкнувшего, а не упавшего. Хорошо стыдиться, но - тогда, когда мы делаем что-нибудь, навлекающее на нас наказание от Того, Кто будет некогда судить нас; а пока мы не знаем за собою ничего такого, зачем нам стыдиться? Если бы кто, напав на тебя одного, стал бить тебя или повергать тебя на землю без всякого с твоей стороны повода или вины, а ты все перенес бы с кротостью и удалился, то твой поступок был бы не постыдным, но любознательным и весьма похвальным. Итак, если похвально переносить обиду, причиняемую людьми, то зачем будет стыдиться, как бы какого предосудительного дела, тот, кто благодушно переносит бешенство злейшего демона, совершающего то же самое? Что может быть несообразнее такого противоречия? Если бы ты, встав после своего припадка, стал делать или говорить что-либо непристойное, тогда и я не стал бы препятствовать тебе,

сокрушаться и сетовать об одном; а если ты все переносишь с благодарением и тотчас обращаешься к молитвам, то чего здесь стыдиться? Может быть, тебя огорчают укоризны от других? Но что может быть предосудительнее людей, которые не знают даже того, что заслуживает укоризны? Эти люди и суть, поистине безумные и бесноватые, - они, которые не умеют смотреть на вещи, каковы они, в сущности, и ругают достойное похвал, а предосудительное считают похвальным. Сумасшедшие говорят окружающим много худого, но слушающие их не думают обижаться. Так и ты, слушая этих безумных, не считай случающегося с тобою позором и вредом, чтобы тебе, в самом деле, не сделаться достойным осуждения, прогневав Бога. Если ты будешь считать позорным то, что Бог посылает для вразумления и пользы, то смотри, к чему ведет это зло.

3. Если ты хочешь видеть людей действительно достойных стыда и осуждения, то я попытаюсь из множества таких указать тебе на некоторых. Посмотри на прельщающихся женскою красотою, на пристрастных к деньгам, на любящих власть и славу и для этого готовых делать и терпеть все, на изнуряемых завистью, на злоумышляющих против тех, кто ничем их не обидел, на предающихся унынию без всякой причины, на людей, которые постоянно увлекаются суетами житейскими; вот эти и подобные им дела безумны и достойны наказания, заслуживают осуждения, и стыда, и осмеяния. А кто, подвергаясь нападению демона, не смотря на то, показывает в своей жизни великое любомудрие, тот заслуживает, чтобы все не только не осуждали его, но и удивлялись ему и украшали его венцами за то, что он при таких узах совершает столь трудное шествие и восходит по крутому и тесному пути добродетели. Однако я едва не забыл еще нечто, в чем ты имеешь преимущество пред братьями, - именно то, что ты легко можешь, если погрешил в чем-нибудь, загладить эти грехи теперешним несчастьем. Это известно нам из того, что сказал я выше, когда говорил о Лазаре и о блуднике коринфском. Но боюсь за отца, говоришь ты; свои скорби я смогу спокойно перенести, но легко ли будет нам перенести его смущение и негодование, если он когда-нибудь узнает что-либо из этого? Однако до сих пор он не узнал; а унывать и мучиться из-за того, что случится когда-нибудь после, а может быть никогда не случится, весьма малодушно. И откуда известно нам, что он узнает? Впрочем, пусть будет это нам известно; допустим, если хочешь, что он и узнает и сделает много зла; хвалю тебя за то, что ты скорбишь об его горестях, но не одобряю того, что делаешь это с вредом для себя; тем, которые помышляют о горнем, а не о земном, должно преодолевать не только гнев и похоть и прочие страсти, но и уныние; потому что оно может причинить нам больше зла, чем эти страсти, и с ним должно мужественно бороться тем, кто не хочет совсем погибнуть. Если бы тебе самому предстояло быть виновником горестей твоего отца, тогда действительно следовало бы тебе бояться и трепетать, как виновнику такого бедствия; но если он сам захочет подвергать себя крайним огорчениям, тебе нет до них никакого дела; остается только соболезновать отцу. Притом мы не знаем, как он примет это известие; часто многое случалось противоположно ожиданиям; хотя это бывает не так обыкновенно и редко, но в данном случае это и естественно и очень возможно. Откуда же что видно? Твой отец много заботится о побочных детях, и такая любовь к ним может затмить его печаль о тебе; не мучь же ты себя напрасными тревогами. Если же нужно сетовать об отце, то по поводу его безумной расточительности, пиров, гордости, жестокости, теперешней блудной жизни. Неужели малое зло, по твоему мнению, - при жизни жены, вашей матери, иметь связь с другою женщиною и рождать детей от незаконного сожития? Вот это

явное, приводящее к худому концу дело, - это достойно сетования и слез; а что случится из-за тебя, то, может быть, будет худо, а может быть - и не худо; терпеть верную муку в виду неизвестного будущего - весьма безрассудно. Положим даже, что весть о тебе принята будет (отцом) с великим негодованием; но оно окончится весьма скоро и погаснет раньше, чем хорошо разгорится; потому что человек, столь преданный наслаждениям, озабоченный многими делами, питающий нахлебников и льстецов и пламенеющий такою страстью к женщине, от которой имеет полуродных вам братьев, если и обратит внимание на тебя, то недолгое и незначительное. Об этом я заключаю не только из того, что мною сказано, но и из того, что прежде было; я знаю, хорошо знаю, что отец твой прежде крепко любил тебя и считал твою голову дороже всего; но когда ты вступил в монашескую жизнь, он погасил всю эту любовь, признал поступок твой постыдным и недостойным знатности предков и говорил, что ты посрамил честь его; если бы не удерживала его сила природы, он, может быть, даже и отрекся бы от тебя. Таким образом - если слова эти не окажутся очень необдуманными - я полагаю, что он даже рад случившемуся с тобою, считая тебя потерпевшим наказание за то, что ты решительно не принял совета его, хотя он часто увещевал тебя и хотел отвлечь от этой строгой жизни.

4. Вот что я могу сказать об отце и твоём опасении за него: и этого, я думаю, достаточно для того, чтобы рассеять весь твой страх по этому поводу. Но ты говорил, что главная беда в том, что ты не можешь надеяться и на будущее и не знаешь, будет ли конец твоему страданию, или вступивший с тобою в эту борьбу захочет бороться с тобою до смерти. Относительно этого и я не могу сказать ничего верного, и не могу ручаться за будущее; однако я верно знаю, и тебе желаю также убедиться в том, что все, что бы ни случилось, будет нам на пользу; и если ты будешь иметь такое убеждение, то скоро отгонишь от себя и то, что называешь верхом своих несчастий. Кроме того, нужно иметь в виду и то, что время наград и венцов есть век будущий - время борьбы и подвигов. Это желал нам объяснить блаженный Павел, говоря: "потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным" (1Кор.9:26,27). Когда же он приблизился к кончине, тогда произнес следующее блаженное изречение: "подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды" (2Тим.4:7,8), изъясняя, что вся наша жизнь должна быть проводима в борьбе и трудах, если мы хотим наслаждаться вечным покоем и бесчисленными благами. Если же кто из беспечных захочет наслаждаться и здешними удовольствиями и тамошними наградами, уготованными трудящимся, тот сам себя обманывает и обольщает. Как между борцами тот, кто во время борьбы ищет покоя, находит себе навсегда позор и бесславие, а тот, кто на месте борьбы мужественно переносит все трудности, получает от зрителей венцы, славу и похвалу и во время борьбы, и по окончании ее, так и у нас. Кто время трудов делает временем покоя, тот будет стонать, скрежетать зубами и терпеть крайние муки тогда, когда нужно будет успокоиться вечным покоем; а кто здесь переносит скорби благодушно, тот и здесь и там будет блистать и наслаждаться славою бессмертною и истинною. Если в житейских делах человек, делающий что-либо неблагоприятно, не достигает того, что имел в виду, и подвергает себя бесчисленным бедствиям, то тем более испытает это на себе тот, кто не знает установленных времен в делах духовных. Христос сказал: "в мире будете иметь скорбь" (Иоан.16:33). Блаженный Павел сказал: "и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут

гонимы" (2Тим.3:12), разумей не только гонения от людей, но и козни демонов. Иов сказал: "искушение есть житие человеку на земли" (Иов.7:1). Что же ты сетуешь, претерпевая скорби во время скорбей. Сетовать нужно было бы в том случае, если бы мы время, которое Христос назвал бы временем скорби, делали временем наслаждения и покоя; если бы в то время, когда нам заповедано подвизаться и трудиться, мы предавались праздности; если бы мы шли по пространному пути, тогда как Он повелел идти по тесному. За это нам неизбежно следовало бы терпеть наказание в том веке. Но что сказал бы ты, говоришь, о тех, которые и здесь идут широким путем и там будут покоиться? Кто же эти люди? Я верю только слову Христа, Который говорит, что "тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь" (Матф.7:14). А что по тесному пути никогда нельзя идти, как по широкому, это, конечно, всякому ясно. Если на мирских ратоборствах никто не получал венца без трудов, имея притом своими противниками таких же людей, то как нам, против которых ратуют лукавые силы, можно победить их бешенство без скорби и стеснения?

5. Впрочем, зачем нам доказывать это умозаключениями, когда можно прибегнуть к блаженным и доблестным подвижникам, жившим в прежние времена? Припомни всех, прославившихся в те времена, и увидишь, что все они скорбями достигли дерзновения пред Богом. Прежде всего, если хочешь, обратимся к сыну первозданного, агнцу Христову, Авелю, который не сделал никакого зла, и, однако, потерпел то, чему подвергаются тягчайшие грешники. Мы терпим искушения в наказание за грехи; а этот праведник страдал не за что-либо другое, а за то, что был праведен. Пока он не отличался ничем великим, брат был благосклонен к нему, а когда прославился своею жертвою, то Каин, ослепленный завистью, не посмотрел и на природу. Почему же ты знаешь, не эта ли причина и теперь возбудила против тебя диавола, и не слава ли твоей жизни вызвала его на эту борьбу? Если ты смеешься над этими моими словами, - хвалю тебя за смиренномудрие, однако не перестану так думать. Если Авель, принеши тук, угодил Богу, тем более посвятивший Богу не внешнее что-либо, но всего себя, мог вооружить против себя врага. Бог же попустил ему напасть на тебя, как и тогда Он не воспрепятствовал совершиться убийству, но попустил праведнику впасть в руки убийцы, и не избавил того, кто потерпел смерть ради Его и Его славы; Он не хотел уменьшения венцов Авеля, посему и попустил ему дойти до конца. Но, скажешь ты, какое наказание - смерть? О, если бы и мне теперь потерпеть такое наказание! Это, возлюбленный, говоришь ты теперь, а прежде смерть казалась тягостнее всего и мучительнее всякого наказания. Потому и по Закону Моисееву сделавшие величайший и непростительный грех подвергались этому наказанию. И по законам внешних (языческих) законодателей еще и теперь не иначе наказываются все, уличенные в самых гнусных злодеяниях; между тем этот праведник пострадал одинаково с беззаконниками, или даже гораздо тяжелее, так как получил удар от руки брата. А что Ной? И он был праведен и совершен, и среди всеобщего развращения один угодил Богу, тогда как все прочие оскорбляли Его. И, однако, он претерпел бесчисленное множество скорбей и - тяжких. Он не умер так скоро, как Авель, и не подвергся тому, что тебе представляется легким, но переносил долгую жизнь, и в течение многих лет жил несколько не лучше тех, которые носят тяжести и постоянно изнуряются тягчайшим бременем. Я сейчас вполне объясню тебе это, сказав предварительно следующее. Целый год Ной жил как бы в темнице, - в темнице необыкновенной и страшной. Не буду говорить о множестве зверей и пресмыкающихся, с которыми вместе жил он столько времени, заключенный в такой темноте; что, думаешь, терпел

он от раскатов грома, от шума дождей? Бездна нижняя разверзалась, верхняя низвергалась; а внутри ковчега сидел он один с сыновьями. Хотя он мог быть уверенным, что потоп кончится, но по чрезвычайности события наперед цепенел от страха. Если мы, имея дома, крепко построенные на земле, и живя в городах, падаем духом и смущаемся, когда увидим, что дождь льет несколько сильнее обыкновенного, то чего не вытерпел он, находясь один внутри ковчега и видя ужаснейшую бездну и различные роды погибших в ней? Душа может прийти в ужас, когда и один город или даже один дом во время наводнения погибает в волнах; а когда потерпела это вся вселенная, то и сказать нельзя, в каком состоянии находился носившийся среди такого наводнения. И целый год он был в таком страхе. Когда же потоп прекратился, то хотя страх его уменьшился, но увеличилась у него печаль. Лишь вышедши из ковчега, он встретил другую бурю, не меньше первой, увидев великую пустыню, насильственную смерть, тела погибших смешанные с илом и грязью, и всех вместе - и людей, и ослов, и более низших животных зарытыми в одной самой жалкой могиле. Хотя погибшие в потопе были великие грешники, однако Ной был человек и сострадал имевшим одинаковую с ним природу. Так и Иезекииль, хотя был праведен и знал, что израильтяне порочнее всех, однако, когда видел их поражаемыми и падающими, также сострадал и плакал; между тем Бог наперед открыл ему все их нечестие и дал ему возможность видеть это собственными глазами, для того, чтобы он, когда увидит их наказываемыми, мужественно перенес это несчастье; и, однако, после доставленного ему такого облегчения, он жаловался и, падши, взывал так: "о, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля" (Иез.9:8)? И это случилось с ним не однажды только, но и в другой раз, когда он видел умерщвление Иехонии. Так и Ной, хотя знал о бесчисленных преступлениях современников, но не был мужественнее ни Иезекииля, ни Моисея. И Моисей много раз страдал одинаково с пророком, и, видя, что согрешающим надлежало потерпеть наказание, сетовал и скорбел более самих наказываемых. Но при Ное и бедствие было ужаснее; ибо такая смерть, какая случилась при нем, была единственною. Затем, когда Ной был удручаем столь великими бедствиями; - одиночеством, состраданием к единоплеменникам, множеством погибших, способом смерти их, запустением земли, и когда печаль его со всех сторон сильно увеличивалась и возрастала, тогда же наносится ему еще оскорбление и от сына, - оскорбление невыносимое, весьма позорное и весьма прискорбное. Во сколько раз оскорбления от друзей тяжелее оскорблений от врагов, во столько оскорбления от детей нестерпимее оскорблений от друзей. Так, когда отец увидит, что тот, которого он родил, которого воспитал, которого образовал, для которого перенес множество скорбей, трудов и забот, обходится с ним обиднее всех, когда он испытает это, то не в силах бывает перенести великой скорби душевной. Обида для человека свободного и сама, по себе несносна; когда же она нанесена собственными детьми, то может довести обиженного даже до исступления; до того она тяжела! Притом имей в виду не одно только это оскорбление, но по нему заключай и о том, как оскорбитель обращался с Ноем и во все прежнее время. Если Хам, еще имея пред собою страшное событие, лишь только освободившись из такой темницы и еще видя бедствия вселенной, не вразумился этим, но оскорбил того, кого оскорблять всего меньше следовало; если он не исправился ни смертью такого множества людей, ни опустошением земли, ни гневом Божиим, ни другим каким-либо из тогдашних событий, то каков он был прежде потопа, когда было много увлекавших его к порокам? Да, тогда из-за этого (сына) и прочих людей праведник вытерпел более жестокую бурю, чем та, которая была во время самого потопа. Во время потопа окружало его только множество воды; а до потопа он со всех

сторон был объят бездною пороков, и козни злых людей беспокоили его сильнее волн. Оставшись один среди такого множества беззаконников и нечестивцев, он, хотя не терпел от них никакого вреда, но перенес много насмешек и издевательств, если не прежде, то тогда, когда говорил им о ковчеге и будущих бедствиях. А как такие насмешки могут возмутить душу, об этом может засвидетельствовать нам тот, кто был освящен от чрева матерного и хотел из-за этого даже отказаться от пророчества; "не буду более", говорит (Иеремия), "говорить во имя Его" (Иер.20:9). Кроме того, сколько огорчения, сколько печали причиняло Ною одно то, что не было еще никого одинакового с ним ни по душе, ни по жизни! Мало этого: он вытерпел много скорбей и от соболезнования о своих современниках. Разве праведники скорбят тогда только, когда они видят грешников умирающими, а когда видят их согрешающими, разве не сокрушаются? Нет, в последнем случае они огорчаются гораздо более, нежели в первом. И это можно хорошо узнать от пророков. Один из них горько взывал: "Горе мне! Не стало милосердых на земле, нет правдивых между людьми" (Мих.7:2). А другой говорил к Богу: "для чего даешь мне видеть злодейство и смотреть на бедствия" (Авв.1:3)? И сильно сокрушаясь об угнетаемых, плакал так: "оставляешь людей как рыбу в море, как пресмыкающихся, у которых нет властителя" (Авв.1:14). Если же так было тогда, когда существовали и законы, и начальники, и судилища, и священники, и пророки, и наказания, то представь, до какой степени простирались все пороки при Ное, когда ничто подобное не удерживало людей. Притом, при пороках жизнь человеческая продолжалась недолго, лет семьдесят-восемьдесят; а тогда она простиралась до шестисот лет и более. Кроме всего вышесказанного, сколько трудов он должен был понести, проходя такой долгий путь и стараясь в такое продолжительное время нимало не совратиться при многих встречающихся препятствиях? Что я говорю: многих, когда весь совершенно путь был таков, весь от края до края земли был исполнен скал и терний, диких зверей и зловония, заразы и холода, и злодеев? Подлинно, удобнее идти в самую глубокую ночь по узкой тропинке, чем по пути добродетели в те времена: сколько было людей, которые усиливались совратить Ноя с его пути! Когда все могут делать все, что захотят, и только один идет по противоположному им пути, - как он может дойти до конца, если все теснят и увлекают его назад? А как трудно вести жизнь добродетельную среди многолюдства, это доказывают поселившиеся в пустынях, в настоящее время, когда, по благодати Божией, везде можно видеть добрую жизнь, единокорбие и не малую любовь друг к другу. Тогда же ничего этого не было, но все относились к Ною свирепее даже диких зверей.

6. Что может быть прискорбнее, что бедственнее такой жизни? Я обещал показать, что состояние Ноя было ничем не лучше состояния тех, которые постоянно носят тяжести и никогда не имеют отдыха; но мое слово сделало гораздо больше, открыв нам, что состояние Ноя было не только ничем не лучше, но гораздо тяжелее их состояния. Многим, кажется, что Авраам благодушно прожил все время, почему и привыкли сравнивать с ним благоденствующих и счастливых во всех отношениях. Рассмотрим же, что было с ним. По моему мнению, он гораздо и Ноя и Авеля... но лучше не скажу ничего, пока не даст нам решения самое рассмотрение событий. Что было с ним в Персии, и случилось ли с ним что-либо горестное до семидесяти лет его жизни, этого никто не может точно знать. И блаженный Моисей не написал нам истории этого времени, но, опустив все эти годы его жизни, начал повествование уже с последующих лет. А что, вероятно, и Авраам страдал одинаково с Ноем,

когда один хотел жить благочестиво среди столь многих нечестивцев и иноплеменников, это не так неизвестно, как остальное, и даже весьма неразумные люди легко могут понять это. Впрочем, оставим пока и это; начнем речь с переселения Авраама, рассмотрим, прежде всего то, как далеко земля Халдеев отстояла от Палестины, каково было состояние дорог, каковы были взаимные отношения людей, каково было общественное устройство. По тому, что праведник легко послушался, не должно считать теперь и самого дела легким, и по тому, что Моисей рассказал о событии сжато и кратко, не надобно думать, будто и самое дело так же кратко, как слова; сказать и описать это - легко; но сделать не так легко, напротив очень трудно. Итак, о длине пути и о том, как велико расстояние между этими странами, могли бы с точностью сказать те, которые пришли бы к нам оттуда, если только есть такие. Но мы ни с кем из них не виделись, а, встретившись с одним из бывших в соседней стране и спросив, сколько времени он должен был провести в пути, мы услышали, что - тридцать пять дней; впрочем, сказал он, Вавилона он не видал, а слышал от бывавших там, что есть оттуда еще другой столь же длинный путь. Таково расстояние было тогда, таково оно и теперь; но тогдашнее состояние дорог было не таково, как нынешнее. Ныне на дороге часто расположены гостиницы, города и селения, и путешественник может встречаться со многими путниками, а это важно в отношении безопасности не меньше гостиницы, города и селения. Притом градоначальники, избрав из страны мужей, отличающихся от других телесною силою и способных действовать дротиком и пращею так же, как стрелки стрелами и копьями, и поставив над ними начальников, освободили их от всякого другого дела и вверили им только охранение путей. А затем придумали еще и другую, более этой надежную, меру безопасности: устроив при дороге жилища на расстоянии тысячи шагов одно от другого, поместили в них ночных сторожей, которых бдительность и надзор служат большим препятствием для нападений злодеев. А при Аврааме ничего этого не было: ни частых селений, ни городов, ни гостиниц; не скоро можно было увидеть постоянный двор или спутника, или что-нибудь другое подобное; не говорю уже теперь о неровности дорог и непостоянстве ветров, хотя и эти неудобства, даже без тех, могут причинить довольно неприятностей путникам. Это могут засвидетельствовать те, которые, имея повозки и упряжных животных, не осмеливаются и на них отправляться по обыкновенной дороге, если наперед не вымостят ее камнями и, завалив рывины от потоков, не уравниют, таким образом, дороги. Тогда же дорога была пустынное мест необитаемых, непроходимое гор, опаснее рвов и скал. Но я не сказал еще о самом важном неудобстве, о том, каковы были взаимные отношения людей, причинявшие им гораздо больше тяжелых затруднений, чем самая дорога, так как все были разделены по народам, или даже по городам. Тогда не так было, как теперь, когда одна власть простирается на большую часть вселенной, и все повинуются одному человеку и управляются одними законами; но как одно тело, рассеченное на многие части, так разделен был тогда и род человеческий: праведнику приходилось переменять одних врагов на других, и едва он убегал от одних, всегда попадал на других; потому что в одном месте было многоначалие, в другом - безначалие. Что же тяжелее такой жизни? Притом, Авраам боялся и трепетал не за себя только, но и за отца, и за жену, и за племянника. Не малая также была у него забота о слугах, когда они были даже и дома, а тем более, когда им приходилось часто быть на чужбине. И если бы он точно знал, где кончится для него странствование, то заботы его не были бы еще так несносны; а теперь услышав просто и неопределенно о земле, не о той или другой, но "которую Я укажу тебе" (Быт.12:1), он мысленно обходил все страны и испытывал в душе великое

смушение, потому что нигде не мог остановиться мыслию, но должен был о многом сомневаться и беспокоиться. Мог он думать, что пойдет до самых пределов вселенной и до самого океана, так что, хотя и не прошел всей земли, но беспокойство о таком путешествии вытерпел. В душе он готов был не только дойти до Палестины, но следовать всюду, хотя бы ему поведено было пройти всю вселенную или даже идти на острова, находящиеся вне ее. Если же неопределенность повеления заставляла ожидать и того и совершенно противоположного, то и это было тяжело. Кому предстоит терпеть что-либо тяжкое, тому гораздо легче знать ясно, чему он подвергнется и к чему он должен готовиться, чем носиться мыслию повсюду и ждать то благоприятного, то неблагоприятного, и ни на что твердо не надеяться, но одинаково не доверять тому и другому.

7. Это происходило с Авраамом до прибытия его в обетованную землю; когда же он достиг Палестины и надеялся, наконец, успокоиться, тогда в самой пристани нашел еще большую бурю. А не легко, напротив весьма тяжело бывает, когда кто-нибудь, подумав, что скорбь его кончилась, и что он уже свободен от нее, поэтому, отложив всякую заботу и попечение, вдруг должен будет снова начать борьбу с неприятностями. Кто ожидает бедствий, тот легче может вынести их наступление; а кто успокоился и отрешился от забот, тот, если опять случится с ним что-либо подобное прежнему, возмущается и легче поддается скорби по двум причинам: по неожиданности бедствия и потому, что он отложил всякую заботу и предосторожность. Итак, какая же буря постигла Авраама? Тогда в Палестине был столь сильный голод, что Авраам тотчас поднялся оттуда и пошел в Египет. Пришедши туда в надежде найти избавление от бедствия, он был постигнут опять несчастьем более тяжким, чем голод, подвергшись крайней опасности. Он впал тогда в такой страх, что решился даже на то, что для всех мужей несноснее всего; это - поругание их жен. Он дошел тогда до такой крайности, что прибег даже к лицемерию, а что может быть тяжелее этого? Каково, думаешь ты, было у него на душе, когда он принужден был советовать жене своей следующее: "вот, я знаю, что ты женщина, прекрасная видом; и когда Египтяне увидят тебя, то скажут: это жена его; и убьют меня, а тебя оставят в живых; скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя, и дабы жива была душа моя чрез тебя" (Быт.12:11-13)? Эти слова произнес тот, кто для Бога оставил и отечество, и дом, и друзей, и сродников, и все прочее в доме, и перенес такую скорбь и столько труда в продолжительное время своего путешествия. Однако он не сказал тогда ничего вроде следующего: "Бог оставил меня, отвратился, и лишил своего промышления"; нет, он все перенес мужественно и с верою; и кому следовало бы больше всех гневаться, когда жена его в великой крайности подвергалась поруганию, тот всячески старался, чтобы поругание не сделалось явным. А с каким это соединено унынием и огорчением, того невозможно выразить словом, но то знают имевшие жен и впадавшие в беспокойство ревности. Свидетельствует об этой страсти и Соломон, когда говорит так: "ревность - ярость мужа, и не пошадит он в день мщениа, не примет никакого выкупа и не удовольствуется, сколько бы ты ни умножал даров" (Прит.6:34,35); и еще: "крепка, как смерть, люба, как преисподняя, ревность" (Песн.8:6). Если же так воспламеняется ревнующий, то не злополучнее ли всякого тот, кто впал в такое несчастье, что принужден даже льстить оскорбителю и всячески стараться о том, чтобы прелюбодей, которому следовало бы мстить, удобно воспользовался его женою? Когда окончились и эти бедствия, то опять появились другие трудности: за голодом последовала война. Не говорю теперь о ссоре пастухов и разлуке

с племянником, хотя и это, если сопоставить с прочими обстоятельствами, могло причинять (Аврааму) великое уныние. Когда Лот, спасенный им и получивший столько добра, обязанный поэтому уступить ему во всем и наказать своих пастухов, - когда этот человек, пользуясь предоставленным ему выбором, берет себе плодороднейшие страны, а ему оставляет более пустынные места, кто мог бы легко перенести это? Говорю не об убытке, но о том, что оказавший уважение, сам подвергается неуважению и получает худшую часть, что представляется тяжелее всякого убытка. Впрочем, все это я опускаю теперь, потому что речь у нас о патриархе, а не о ком-либо из обыкновенных людей.

8. Итак, за голодом последовала война с персами, и Авраам вынуждается идти против них, не в самом начале, когда обе стороны были еще в силах, но когда союзники все были уже обращены в бегство, победа осталась за неприятелями, и никто уже не мог сопротивляться им, так как одни были совершенно разбиты, другие скрылись, а некоторые были порабощены ими. Однако ничто не удержало Авраама дома, но, удрученный сильною скорбью о случившемся, он пошел разделить с побежденными несчастье, подвергая себя явной смерти; ибо выходить на бой с таким многочисленным войском, имея у себя триста с небольшим домохозяев, можно было не иначе, как рассчитывая и решившись на пленение, истязание и бесчисленные смерти. Итак, он пошел с готовностью испытать лютость варваров; но когда был спасен Божиим человеколюбием и возвратился с добычею и родственником, то опять должен был оплакивать собственное горе. - разумею бездетность и то, что он не имел у себя наследника. Если ты только теперь слышишь, как он жалуется пред Богом и говорит: "что Ты дашь мне? я остаюсь бездетным" (Быт.15:2), то не подумай, будто он теперь только и почувствовал это горе; нет, эта забота и беспокойство вошли в дом праведника вместе с молодою его супругою, или даже прежде самой супруги. Обыкновенно все мы, как только начнем совещаться и говорить о браке, тревожимся всеми соединенными с ним заботами, из которых главнейшая - о детях, и опасение (бездетности) с того самого дня возмущает наши души. Если случится, что после брака пройдет один год, или два, или даже три (без детей), то уныние усиливается, а надежды на радость слабеют; когда же пройдет так еще более времени, тогда надежды совсем оставляют нас, а овладевает душою уныние, помрачающее все удовольствия жизни и не позволяющее наслаждаться ничем. Таким образом, если бы с Авраамом не случилось ни одного из столь многочисленных бедствий, но все было бы по его желанию, одно уныние от бездетности, сопутствовавшее всем событиям его жизни, было в состоянии помрачить и уничтожить всякое благодушие. Обетование Божие последовало уже в глубокой его старости, когда природа не подавала уже надежды (на чадородие); а все предшествовавшее столь долгое время он проводил в печали и горести; и чем более видел умножающимся свое богатство, тем более скорбел, не имея наследника. Что, думаешь ты, претерпел он, когда услышал: "знай, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет" (Быт.15:13)? А жена, которая то советует Аврааму взять служанку ее, то, когда он взял, упрекает и жалуется, призывая на него Бога, и принуждает изгнать ту же служанку, разделявшую с ним ложе и готовившуюся родить ему сына, кого не повергла бы в крайнее уныние? Кому это кажется маловажным, тот пусть вспомнит, что от этого расстраивались целые дома, и подивится праведнику. Он хотя и мужественно переносил все по страху Божию, однако был человек и от всего этого страдал и скорбел. Потом служанка возвращается в дом господина и рождает ему побочного сына, и Авраам делается отцом после такого

продолжительного времени; это событие доставило ему некоторое удовольствие, но еще большее уныние. Побочный сын напоминал ему о законном и возбуждал сильнейшее желание такого сына. Он думал, что слова: "не будет он твоим наследником, но тот, кто произойдет из чресл твоих, будет твоим наследником" (Быт.15:4), были сказаны об Измаиле, потому что еще ничего не было сказано о Сарре. Когда же, наконец, он получил яснейшее обетование об Исааке и назначено было время его рождения, то прежде чем успел он насладиться этою надеждою, бедствия содомлян навели на него великое облако печали. А что эти бедствия не мало возмутили праведника, это для всякого очевидно из самым слов его и из молитвы, которую вознес он к Богу за содомлян; а когда он увидел, как полился тот ужаснейший дождь и все вдруг обратилось в прах и пепел, то был уже вне себя. Если мы, издали видя горящие дома, тревожимся и падаем духом от печали и страха; то чего не потерпел он, видя, как целые города и селения, вместе с жителями, сжигались необыкновенным, но странным и ужасным пожаром? Так не были ли эти страдания праведника подобны волнам на море, непрерывно следующим одна за другою? Как там, когда одни волны еще не исчезли, поднимаются другие, так было и во всей жизни этого праведника. Едва совершились бедствия Содома, как царь герарский пытался нанести Сарре такое же бесчестие, как и фараон; и опять жена принуждена была прибегнуть к прискорбному лицемерию, и бесчестие действительно было бы ей нанесено, если бы опять не воспрепятствовал Бог. А лишь только и сын от рабыни, и жена, и весь дом начали радоваться рождению законного сына, один праведник, среди такой радости, должен был печалиться и сетовать, быв вынужден изгнать наложницу вместе с сыном ее; ибо, хотя Измаил был и побочный сын, и от служанки, но его незаконность несколько не уменьшала в Аврааме природного расположения к нему, и низкий род матери не ослаблял неизбежного чувства в отеческом сердце. Это можно узнать из самой Библии. Муж твердый и мужественный, который решался собственными руками заклать едиnorodного (сына), скорбел, когда жена потребовала от него изгнания (Агари); и он не уступил бы и не послушался бы Сарры, хотя бы она имела тогда еще больше смелости и (настойчивее) говорила ему, если бы не побудил его к тому страх Божий. Итак, когда услышишь, что Авраам, по повелению Божию, выслал служанку с сыном, не думай, что скорбь его прекратилась (это было невозможно); но подивись той великой покорности, по которой он, хотя и терзаясь состраданием, не противился Богу, но выслал дитя с матерью, не зная даже, куда пойдут они; он переносил и терпел со скорбью, потому что не был выше природы.

9. То же претерпел Авраам и из-за сына законного. Пусть никто не говорит, что он не скорбел и не страдал по-отечески, и пусть не лишает его самой высшей похвалы, желая сверх меры показать его любомудрие. Мы смущаемся и скорбим, а часто и плачем, когда видим, что по площади ведут на смерть людей, уличенных в постыдных делах и долгое время проводивших такую жизнь, и притом незнакомых и никогда не виданных нами; как же мог не чувствовать человеческой скорби тот, кому велено было сына своего, законного, единственного, рожденного сверх чаяния по истечении столь долгого времени и в самой глубокой старости (от чего любовь сильнее воспламеняется), этого сына, еще юного, заклать собственными руками и принести во всеожжение? Что может быть смешнее возражающих против этого? Если бы он был камнем, или железом, или адамантом, и тогда мог ли он не сокрушаться и не трогаться красотой сына (который был в самом цвете лет), разумностью речей и благочестием души его? Он спросил отца: "вот огонь и дрова, где же агнец для

всесожжения?" (Быт.22:7) и услышал, что "Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой" (Быт.22:8), а более ни о чем не спрашивал; видел, что отец связывает его, и не противился; положен был на дрова, и не соскочил; видел нож, заносимый на него, и не смутился! Что может быть благочестивее этой души? Кто же осмелится еще сказать, что Авраам от всего этого не страдал нисколько? Если бы ему предстояло принести в жертву врага и неприятеля, если бы он был зверем, и тогда мог ли он сделать это без скорби? Нет, нет; не приписывай праведнику такой жестокости: он сетовал и сокрушался. "Бог", говорил он, "усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой". Видишь ли, какая жалость заключается в этих словах? Однако он удерживал и подавлял скорбь, и делал все с такою готовностью, с какою делали бы люди, не встречающие ничего такого, что удерживало бы их. Итак, принеши своего сына в жертву (ибо он заклал его в своем намерении), он возвращает его матери здоровым и невредимым; а она, приняв сына и не успев довольно нарадоваться на него, оставляет жизнь. И это не мало опечалило Авраама. Хотя она жила с ним долгое время, однако это нисколько не помогало ему легче перенести несчастье, напротив причиняло тем больше уныния; потому что мы особенно привязываемся к тем, которые долго жили с нами и представили нам много доказательств своей дружбы и добродетели. И что это действительно так, доказал сам патриарх своим сетованием и плачем о Сарре. А что сказать о заботах его относительно сына, жены его и (сводных) братьев его и всего прочего? Всякий, желающий вникнуть в подробности этого, увидит, что жизнь праведника была гораздо бедственнее и была исполнена больших забот, чем как изображено теперь. Писание сказало только о главнейшем, а все прочее, что обыкновенно бывает каждый день в доме, где множество слуг, и муж, и жена, и дети, и забота о многих делах, предоставило нашему соображению. Так, скажешь ты; но при всяком из этих огорчений величайшую отраду приносило Аврааму то, что он терпел все это для Бога. То же может служить утешением и для тебя; искушение постигло и тебя не по чьему-либо иному поущению, а по Божьему. Если злые демоны, без Его позволения, не осмеливались некогда напасть на свиней, то тем более на твою драгоценную душу (Матф.8:30 и далее). Посему, как Аврааму великую награду доставило то, что он переносил все мужественно и с благодарностью, так то же доставит награду и тебе: только бы ты не унывал и не роптал, но за все благодарил человеколюбивого Бога. Так и блаженный Иов претерпел все, что он претерпел, по поущению Божию; но венцы доставило ему не то одно, что он претерпел, но и то, что мужественно устоял против всех бедствий; и все мы удивляемся ему не потому, что диавол лишил его всего, но потому, что Иов "во всем этом не согрешил и не произнес ничего неразумного о Боге" (Иов.1:22).

10. Вспомнив об Иове, я хотел изложить в своем слове и его долговременные скорби и чрезвычайность страданий; но, чтобы не сделать речи слишком длиною, перехожу к Исааку. А ты, если хочешь в точности узнать о случившемся с Иовом, возьми в руки его книгу и вникни в бездну его несчастий: и в них найдешь великое утешение в своих. Хотя этот праведник и гораздо лучше нас, но он и боролся с гораздо большею силою; потому что лукавый с особенною силою восстал против него. Впрочем, подвиги определяются не мерою искушений, но значительностью деяний. Таким образом, хотя нынешний подвиг твой и меньше, но это нисколько не может уменьшить твоих венцов. Так и принесший два таланта принес не менее представившего пять талантов. Почему? Потому что, хотя прибыль была и не одинакова, но усердие одинаково, почему и тот и другой получили одинаковую честь, услышав: "войди в

радость господина твоего" (Матф.25:21). Что же Исаак? Он не был посылаем в дальнее путешествие, как отец, и не был принужден оставить свою землю, как тот; однако и он вытерпел главнейшее из зол - страх бездетности. Когда же он молитвою прекратил это зло, его постиг другой страх, больший прежнего; так как не все равно - страшиться ли за бездетность, или за самый корень деторождения; жена его так мучилась родами, что для нее жизнь была горше всякой смерти. Об этом послушай, как она сама говорит: "если так будет, то для чего мне это" (Быт.25:22)? Голод же испытал и Исаак; и хотя в Египет он не ходил, но и он испытал то, чего едва не потерпел там отец его, подвергшись опасности за свою жену. Притом, отца его все соседи уважали, а его гнали, как врага и неприятеля, и не давали ему насладиться плодами собственных его трудов; сильно стеснив его, они сами пользовались его трудами. Когда же он приобрел себе друзей и увидел детей своих в полном возрасте, когда надеялся найти в них великое утешение и иметь хороших помощников в старости, тогда именно он и впал в крайнее уныние. Во-первых, старший сын взял себе жену иноплеменницу, вопреки желанию отца, причем внес в дом несогласие и ссору, и этим самым сильно опечалил его. Сыновние жены причиняли Исааку и Ревекке множество неприятностей, которых всех Писание не перечислило, но указало на них одним словом, сказав, что "они были в тягость Исааку и Ревекке" (Быт.26:35), предоставив самим понять сказанное тем, у кого есть дома и дети, уже вступившие в брак. Такие люди больше и лучше всех знают, сколько зла происходит, когда свекровь и невестка ссорятся между собою, и особенно, когда обе живут в одном доме. Это было постоянное зло. К тому же приключилась слепота глаз: а как велико это несчастье, знают только те, которые сами страдают ею. Затем последовало недоразумение в благословении сына, чем Исаак так был поражен в душе, что воскликнул горестнее, чем сам потерпевший от подмена, и оправдывался пред ним и говорил, что сделал эту несправедливость не добровольно, но, быв введен в обман. А дальнейшие события их походили на трагедию театральную и представляли драму из жизни фивских юношей¹. И здесь старший брат, несмотря на старость и слепоту отца, изгнал из дому младшего, и если не совершил убийства, как (сын Эдипа), то этому воспрепятствовала мудрость матери. Исав также угрожал Иакову убийством и ожидал только смерти отца; но мать, узнав об этом и рассказав отцу, спасла младшего от рук старшего, и (родители) должны были понудить к бегству того, кто был послушен и почтителен к ним, а злого и делавшего для них жизнь нестерпимую (это говорит сама Ревекка) постоянно удерживали при себе. Итак, когда удалился тот, - который всегда жил дома ("стал человеком кротким", сказано, об Иакове, "живущим в шатрах" (Быт.25:27)) и большею частью находился при матери, сколько должна была Ревекка горевать и плакать, вспоминая всегда о сыне и смотря на мужа, который был ничем не лучше мертвеца, и по старости и по болезни? Какою скорбью удручаем был и старец, который должен был оплакивать и несчастья жены, вместе со своими собственными? Когда Ревекка приблизилась к смерти, то, не видя сына стоящим при ней и плачущим, закрывающим глаза и сжимающим уста, одевающим ее и заботящимся обо всем прочем, - что для родителей кажется горестнее самой смерти, - чего не говорила она, чего не произносила такого, что в состоянии смягчить и камень? А Исаак, видя ее умирающею в таком состоянии, как мог чувствовать себя в душе и тогда и после ее кончины?

---

¹ Т.е. двух сыновей фивского царя Эдипа, которых действия драматически изображены в трагедиях Эсхила и Софокла.

11. Таким оказался тот, который казался нам счастливее многих. А жизнь Иакова нет нужды рассматривать подробно: ее достаточно изображают слова самого Иакова. Беседуя с фараоном, он сказал: "малы и несчастны дни жизни моей и не достигли до лет жизни отцов моих" (Быт.47:9). т. е. я провел жизнь и весьма краткую, и весьма бедственную. Даже без этих слав его несчастья так известны, что едва ли кто и из простых людей не знает их. Дед его, хотя и совершил дальнее путешествие, но по повелению Божию, что доставляло ему величайшее утешение; а Иаков (оставил родину), убегая от брата, который строил против него козни и замышлял убийство. Авраам никогда не терпел недостатка в необходимых потребностях; а Иаков считал за благо и счастье - иметь только одежду и хлеб. Когда же он спасся (от брата), освобожденный от бедствий путешествия и пришел к своим родственникам, то принужден был работать, хотя был воспитан среди полного изобилия. Ты знаешь, что рабство горько везде; но когда кто принужден быть рабом у равных себе, и притом никогда не испытал ничего подобного и проведши все прежние годы жизни на свободе и довольстве, тогда это несчастье делается невыносимым. Однако Иаков все переносил мужественно. Послушай, как сам он рассказывает о бедствиях своей пастушеской жизни: "ты с меня взыскивал", говорит он, "днем ли что пропадало, ночью ли пропадало; я томился днем от жара, а ночью от стужи, и сон мой убегал от глаз моих. Таковы мои двадцать лет в доме твоём" (Быт.31:39-41). Это терпел тот, кто вел не скитальческую жизнь, оставаясь всегда дома, и после таких трудов и лишений, по истечении такого долгого времени, он подвергся еще прискорбному обману при женитьбе. Если бы он и не работал семь лет, если бы и не потерпел того, на что жаловался тестю, если бы даже не любил его дочери, уже одно то, что ему была обещана лучшая, а вместо нее дана худшая, сколько причинило этому блаженному печали, сколько беспокойства, сколько огорчения? Другой на месте его не так легко перенес бы эту обиду, но разрушил бы весь дом тестя, заколол бы самого себя вместе с ним или погубил бы каким-либо другим способом; а Иаков, как незлопамятный и долготерпеливый, не сделал этого, и даже не замышлял приступить к этому; но, получив приказание работать еще другие семь лет, охотно послушался: так был он кроток и скромн. Если скажешь, что любовь к девице способствовала кротости его нрава, то этим согласно со мною опять выразишь чрезмерность его скорби. Представь, какую скорбь терпел он, когда был лишен столь любимой девицы и, надеясь уже получить ее, принужден был ждть еще семь лет, среди холода и зноя, и блений, и непрерывных лишений! Получив, наконец, ее и ведя у тестя жизнь бедственную и тяжкую, он при том подвергался зависти, и вторично потерпел обман при получении награды, в чем сам и обличил (тестя), сказав: "ты десять раз переменял награду мою" (Быт.31:41). Вместе с тестем и братья его жен также восставали против него, даже больше самого тестя. Но всего тягостнее было то, что любимая жена, для которой он решился работать дважды семь лет, предавалась крайнему унынию, видя, что сестра ее рождала, а сама она не имела даже надежды на это, и от этого уныния приходила в такое исступление, что упрекала и укоряла мужа, и призывала смерть на саму себя, если не родит: "дай мне детей", говорила она, "а если не так, я умираю" (Быт.30:1). Что же могло радовать его, когда столь любимая им (жена) так скорбела, а братья ее злоумышляли против него и всячески старались довести его до крайней бедности? Если великую скорбь причиняет и то, когда отнимают полученное без трудов приданое за женами, то подвергающийся опасности лишиться приобретенного собственными трудами может ли кротко перенести такую потерю? Поэтому Иаков, видя, что его подозревали и подсматривали за ним, тайно ушел, как беглец. Что может быть прискорбнее этого? Так он, удаляясь со

страхом и опасностью и из родительского и из чужого дома, в том и другом случае неизбежно
впадал в одинаковую пропасть. Убежав от брата, он пришел к тестю; а, подвергшись опять
гонению от тестя, принужден был сойтись с братом; и исполнилось над ним пророческое
изречение, которое Амос сказал о дне Господнем: "как если бы кто убежал от льва, и попался
бы ему навстречу медведь, или если бы пришел домой и оперся рукою о стену, и змея ужалила
бы его" (Ам.5:19). А что сказать о страхе, которому подвергся он, когда был настигнут
Лаваном, и о скорбях во время путешествия, когда за ним следовало столько стад и детей?
Когда же ему предстояло увидеть лицо брата, то не чувствовал ли он того же, что чувствуют,
по словам поэтов, взирающие на вымышленную ими же голову Горгоны²? Не был ли он
совершенно в таком состоянии, как бы приближался к смерти? Выслушай слова его, и узнай,
какое пламя было в душе его: "избавь меня", говорит он, "от руки брата моего, от руки Исава,
ибо я боюсь его, чтобы он, придя, не убил меня и матери с детьми. Ты сказал: Я буду
благотворить тебе" (Быт.32:11,12). Какой радости не изгнал бы этот страх, если бы даже Иаков
все прежнее время провел в благодущии? Между тем у него вся жизнь, с того самого дня, в
который он, готовясь принять благословение, наперед умирал от страха, сплеталась из
несчастий и опасностей. Тогда объял его такой страх, что даже и после встречи с братом,
который обошелся с ним ласково и человеколюбиво, он не имел смелости и не переставал
беспокоиться. Когда Исав убеждал его пойти вместе с ним, он, как бы желая освободиться от
какого-нибудь зверя, колебался и просил брата удалиться от него: "господин мой знает",
говорил он, "что дети нежны, а мелкий и крупный скот у меня дойный: если погнать его один
день, то помрет весь скот; пусть господин мой пойдет впереди раба своего, а я пойду медленно,
как пойдет скот, который предо мною, и как пойдут дети, и приду к господину моему в Сеир"
(Быт.33:13,14). Немного успокоившись от этих опасностей, он потом опять подвергся другому
страху, гораздо большему. Когда похищена была дочь его, он сначала скорбел об оскорблении
этой дочери; а когда царский сын облегчил эту скорбь, дав обещание вступить с Диною в
законный брак, и Иаков одобрил это намерение, тогда Левий с сообщниками своими нарушил
договор и, истребив в городе всех мужчин, привел своего родителя в такой страх, что он даже
переселился оттуда, вследствие того, что все вооружились на него. "И сказал Иаков", говорит
Писание, "Симеону и Левию: вы возмутили меня, сделав меня ненавистным для жителей сей
земли, для Хананеев и Ферезеев. У меня людей мало; соберутся против меня, поразят меня, и
истреблен буду я и дом мой" (Быт.34:30). И действительно соседи решительно истребили бы
их всех, если бы человеколюбие Божие не обуздало бы их ярости и не положило конца этим
бедствиям. "И был", говорится в Писании, "ужас Божий на окрестных городах, и не
преследовали сынов Иаковлевых" (Быт.35:5). Что же по прекращении этих бедствий?
Успокоился ли Иаков? Нет, тогда постигло его величайшее из несчастий - смерть любимой
жены, преждевременная и вместе насильственная. "Рахиль родила", говорится в Писании, "и
роды ее были трудны. Когда же она страдала в родах, повивальная бабка сказала ей: не бойся,
ибо и это тебе сын. И когда выходила из нее душа, ибо она умирала, то нарекла ему имя:
Бенони (сын болезни моей)" (Быт.35:16-18). И когда эта скорбь была еще в силе, Рувим
увеличил скорбь, опозорив ложе отца: это так было тяжело для отца, что он даже при смерти,
когда родители бывают особенно снисходительны к детям, проклинал сына, который притом

---

² Горгона - баснословное чудовище, представляемое греческими поэтами с головою, покрытою змеями вместо волос, и приводившее в окаменение всякого, кто видел ее.

был первенцем между всеми другими, что не мало имеет значения для любви родительской. Сила скорби превозмогла все эти побуждения, и Иаков, призвав его к себе, сказал: "Рувим, первенец мой! ты - крепость моя и начаток силы моей, верх достоинства и верх могущества; но ты бушевал, как вода, - не будешь преимуществовать, ибо ты взошел на ложе отца твоего, ты осквернил постель мою, взошел" (Быт.49:3,4). Когда же пришел в возраст сын любимой жены, и Иаков надеялся иметь в нем утешение в своей печали о ней, тогда в этом самом сыне и готовились ему многообразные огорчения. Братья, омочив одежду Иосифа кровью, и показав отцу, причинили ему много скорбей. Он плакал не только о смерти сына, но и о том, как она произошла; и много было причин, возмущавших душу его: это был сын любимой жены, лучший из всех прочих, особенно любимый им, бывший в самом цветущем возрасте, посланный им самим, умерший не в доме, не на одре, и не в присутствии отца, не сказавши и услышавши что-нибудь, не общею всем смертью, но при жизни растерзанный лютыми зверями, так что отец не мог даже собрать останков его и предать земле, и потерпел это не в юности, когда мог бы перенести, но в самой глубокой старости. Это было самое жалкое зрелище - видеть седину, посыпанную пеплом, старческую грудь, обнаженную по раздиранию одежды, и плач неутешный: "разодрал Иаков", говорится в Писании, "одежды свои, и возложил вретнице на чресла свои, и оплакивал сына своего многие дни. И собрались все сыновья его и все дочери его, чтобы утешить его; но он не хотел утешиться и сказал: с печалью сойду к сыну моему в преисподнюю" (Быт.37:34,35). И как будто душе его никогда не надлежало быть свободною от печали, когда эта рана начала излечиваться, его сильно опечалил сперва голод, постигший всю землю; а потом, когда сыновья, возвратившись из Египта, принесли облегчение от этого бедствия, они же вместе с тем принесли другую печаль, и радость об избавлении от голода помрачена была разлукою с сыном Симеоном. Мало этого: от него требовали и Вениамина, в котором одном имел он утешение и по умершей жене и по сыну, пожранном зверями. И не только это располагало его удерживать при себе Вениамина, но и возраст его и воспитание. "Не пойдет", говорил Иаков, "сын мой с вами; потому что брат его умер, и он один остался; если случится с ним несчастье на пути, в который вы пойдете, то сведете вы седину мою с печалью во гроб" (Быт.42:38). По всем этим причинам сначала он отказывал и говорил, что не даст Вениамина; когда же наступил сильный голод и почувствовалась большая крайность, тогда он, хотя и очень сетовал, говоря: "для чего вы сделали мне такое зло, сказав тому человеку, что у вас есть еще брат" (Быт.43:6); - хотя и тягчайшим образом страдал, произнося горестные слова: "Иосифа нет, и Симеона нет, и Вениамина взять хотите, - все это на меня" (Быт.42:36); - хотя и плакал о том, что после Иосифа и Симеона хотели отнять у него и Вениамина, и объявлял, что он скорее перетерпит все, чем отпустит этого сына, однако, наконец, был побежден, и сам своими руками отдал его, сказав: "и брата вашего возьмите и, встав, пойдите опять к человеку тому; Бог же Всемогущий да даст вам найти милость у человека того, чтобы он отпустил вам и другого брата вашего и Вениамина, а мне если уже быть бездетным, то пусть буду бездетным" (Быт.43:13,14). Так сильно одолевали Иакова его многочисленные бедствия, что хотя внутренности его терзались и число детей его мало-помалу сокращалось, но он переносил все, по чрезмерности (новых) еще больших бедствий; ибо объяла его еще большая скорбь о Симеоне и Вениамине, чем скорбь об Иосифе. Так несчастье, которое поправить нет надежды, хотя причиняет нам сильные скорби, но скоро и забывается, повергая душу в безнадежность; а когда оно еще висит над нами, тогда не дает душе успокоиться неизвестностью будущего, постоянно усиливая и

обновляя в нас томление. Это всякий может хорошо узнать от блаженного Давида, который плакал о сыне, пока он был еще жив, а когда он умер, то Давид перестал скорбеть; и когда слуги недоумевали и спрашивали его о причине, то он высказал ту же мысль, какую и теперь (2Цар.12:15 и далее). Так естественно и Иаков больше опасался и страшился за Симеона и Вениамина. Потом вождеденное свидание и лицезрение Иосифа доставило ему отраду. Но что пользы в том? Как членам, сильно обожженным огнем, сколько ни охлаждай их, ничто не приносит пользы; так и душу Иакова, угнетенную скорбями и сильно опаленную пламенем печали, ничто не могло оживить, особенно в такие лета, когда чувства уже не бывают бодры. Это говорил и Верзеллий, извиняясь пред Давидом: "долго ли мне осталось жить, чтоб идти с царем в Иерусалим? Мне теперь восемьдесят лет; различу ли хорошее от худого? Узнает ли раб твой вкус в том, что буду есть, и в том, что буду пить? И буду ли в состоянии слышать голос певцов и певиц? Зачем же рабу твоему быть в тягость господину моему царю" (2Цар.19:34,35)? Впрочем, для чего объяснять это примерами других, когда можно то же услышать от самого страдальца? После свидания с сыном Иаков, на вопрос фараона о жизни его, сказал: "малы и несчастны дни жизни моей и не достигли до лет жизни отцов моих во днях странствования их" (Быт.47:9). Так живо было всегда в душе его воспоминание о прошедшем!

12. А этот его знаменитый и славный сын, Иосиф, кого не превзошел своими несчастиями? Против отца его злоумышлял только один брат, а против него очень многие; тот в продолжение всего первого возраста воспитывался среди великого довольства и спокойствия, а этот на чужбине и еще в отрочестве принужден был нести тягости путешествия. У Иакова была мать, которая охраняла его от злоумышлений, а Иосиф еще в юности, когда особенно нуждался в матери, был лишен ее помощи. Притом Исав опечалил Иакова только угрозою, а братья Иосифа привели свой умысел в исполнение, и прежде этого умысла постоянно ненавидели его и клеветали на него; а что может быть тягостнее, как иметь врагами своих близких? "И увидели братья его, что отец их любит его более всех братьев его; и возненавидели его и не могли говорить с ним дружелюбно" (Быт.37:4). В сравнении с этим, я не назвал бы столь же великим бедствием пребывание его ни под властью купцов, ни под властью евнуха, потому что эти обходились с ним гораздо человеколюбивее, нежели братья. Впрочем, и после этого буря несчастий не сделалась тише, но наступило еще сильнейшее волнение, которое едва не потопило его. Может быть, кто-либо подумает, что я буду теперь говорить о злом умысле госпожи; но прежде этой бури я скажу о другой, более жестокой. Конечно тяжко, поистине тяжко быть оклеветанным в таком преступлении, подвергнуться осуждению и жить столь долго в темнице - юноше свободному, благородному, и не испытывавшему такого бедствия; но гораздо тяжелее всего этого, я думаю, была для него буря, зависевшая от его юношеского возраста. Если бы он отверг любовь госпожи своей, несколько не волнуясь похотью, я не стал бы превозносить его и удивляться ему, следуя учению Христа; Христос говорит, что не скопцы от природы, но сделавшие сами себя скопцами удостаиваются царствия небесного (Матф.19:12); а если бы этого не было, то какую победу одержал бы Иосиф? Против кого, сражаясь, получил бы он венец? Кого преодолевши, был бы провозглашен победителем, если бы никто не боролся с ним и не усиливался низвергнуть его? Мы не превозносим целомудрия тех, которые не совокупляются с бессловесными, потому что и в природе нет стремления к такому смешению. Так, если бы и блаженного Иосифа не волновал этот пламень, почему мы стали бы превозносить его целомудрие? Но если

бесстыдная женщина увлекала юношу тогда, когда этот пламень поднимается гораздо сильнее, чем в другие возрасты (ему был тогда двадцатый год), и когда сила этого пламени бывает непреодолима, хотя бы ничто ее не увеличивало, и если женщина придавала этому пламени своими чарами и украшениями еще столько же силы, сколько оно имело по самой природе, то кто мог бы изобразить бурю, смятение и томление души юноши, когда внутри волновали его природа и возраст, а извне соблазняли ухищрения египтянки, и притом не один или два дня, но в течение долгого времени? Я думаю, что он тогда не за себя только страшился, но скорбел и об этой женщине, стремившейся в такую пропасть; это для нас очевидно из того, что он отвечал ей с великою кротостью. Он мог бы, если бы захотел, говорить с нею и оскорбительнее и смелее, потому что она, из любви, легко перенесла бы все; но он ничего такого и не сказал и не подумал; но, высказав благочестивые мысли и только то, чем надеялся образумить ее, больше ничего не прибавил. "Вот", сказал он, "господин мой не знает при мне ничего в доме, и все, что имеет, отдал в мои руки; нет больше меня в доме сем; и он не запретил мне ничего, кроме тебя, потому что ты жена ему; как же сделаю я сие великое зло и согрешу пред Богом" (Быт.39:8,9)? И при такой скромности, после такого опыта целомудрия, он был оклеветан, и Бог попустил это! Он был связан и при этом не обличил женщины в злом умысле и несправедливой клевете; ему еще большие предстояли награды и блистательнейшие венцы, потому и после освобождения царских рабов он еще оставался в темнице. Не говори мне о человеколюбии темничного стража; но вникни в слова самого (Иосифа), и увидишь скорбь души его. Истолковав сон, он говорил виночерпию: "вспомни же меня, когда хорошо тебе будет, и сделай мне благодеяние, и упомяни обо мне фараону, и выведи меня из этого дома, ибо я украден из земли Евреев; а также и здесь ничего не сделал, за что бы бросить меня в темницу" (Быт.40:14,15). Если он легко переносил самое заключение, то сожительство с такими людьми, - гробокопателями, ворами, отцеубийцами, прелюбодеями, убийцами (ибо вообще такими и подобными людьми было наполнено это жилище), - для него было тягостнее всего. И не это одно печалило и огорчало его, но и то, что он видел много томившихся там невинно и напрасно. Между тем раб, на что и ты теперь жалуешься, избавлялся от уз, а свободный продолжал томиться. Если же кто станет говорить о последующем величии Иосифа, тот опять напомнит мне о множестве забот, бессонных ночей и бесчисленных занятий, которые вообще не очень приятны для любящих тихую и спокойную жизнь. Кроме того, хотя с упомянутыми святыми и случилось нечто приятное, но тогда еще не было открыто им ни царство небесное, ни обетование будущих благ. А теперь, когда предстоит столько благ и для всех это ясно, кто, скажи мне, станет советовать, если в настоящей жизни не будет наслаждаться ничем приятным, и даже вообще считать что-нибудь из здешнего приятным, зная о будущих благах? Что было бы ниже такой души, которая, надеясь по прошествии малого времени переселиться на небо, искала бы здешних удобств и благополучия, нисколько не отличающихся от тени? "Суета сует", говорит Соломон, "все суета" (Еккл.1:2). Если же тот, кто больше всех людей испытал удовольствия жизни, произнес о них такой приговор, то гораздо более должно так чувствовать и мыслить нам, у которых нет ничего общего с землею, которые вписаны в горний град и получили повеление обращаться туда всем умом своим.

СЛОВО ТРЕТЬЕ

К тому же Стагирию об унынии

Выше сказанное может потушить пламень уныния и расположить к благодушию; но чтобы утешение было полнее, я решился прибавить тебе и это слово, наперед предложив тебе следующий вопрос: скажи мне, если бы кто призвал тебя на царство земное, и между тем тебе предстояло бы, прежде чем войдешь в город и наденешь на себя венец, остановиться в гостинице, в которой и грязь, и дым, и шум от путешественников и опасности от разбойников, и теснота, беспорядок великий, неужели ты обратил бы внимание на эти неприятности, а не пренебрег всеми ими, как ничтожными? Так не странно ли, что надеющийся обладать землею не смущается никакими встречающимися трудностями, одушевляясь надеждами на царствование, а призываемый на небеса падает духом и смущается при каждой из случающихся с нами в этой гостинице неприятностей? Состояние здешней жизни нисколько не разнится от гостиницы и пребывания в постоялом доме: это и желали выразить святые, называя себя странниками и пришельцами, и такими словами научая нас пренебрегать и удовольствиями и неприятностями настоящей жизни и, отрешившись от земли, всею душою прилепляться к небу. Обратимся же к самим святым и от Иосифа перейдем к Моисею. Этот кротчайший из всех бывших на земле, рождается в то время, когда соотечественники его находились в бедственном положении; быв отчужден от родивших его и не зная своих родителей, он в продолжение всего первого возраста своего воспитывается иноплеменниками: что могло быть тягостнее этого для еврея юного и разумного, хотя бы он и считался сыном царским? Но тогда для него тягостно было не только это, но и то, что он видел всех соотечественников своих в крайних несчастиях. Мог ли он, не хотевши ни жить, ни быть вписанным в книгу Божию без их спасения (Исх. 32:38), наслаждаться благами при царском дворе, видя всех их среди такой бури? Если и нас родившихся спустя столько времени после этих событий и не имеющих подобной причины сострадать иудеям, объемлет жалость при мысли о тогдашнем избииении их детей, то чего не претерпел этот блаженный, привязанный великою любовью ко всему народу, видевший своими глазами его бедствия, и тех, которые причиняли эти бедствия, принужденный называть своими родителями? Я думаю, что об этих бедных детях он скорбел тогда больше самих родителей, как видно из того, что сделал он впоследствии. Так, не могли ни убедить, ни принудить мнимого отца своего отменить зверское и убийственное повеление, он сам, наконец, порешил разделить с ними бедствия. Впрочем, я не столько удивляюсь этому, сколько изумляюсь тому пламени скорби, которое Моисей носил в себе в предыдущее время и о котором я заключаю по (совершенному им) убийству. Кто доведен был скорбью до убийства, тот чрез последнее обнаружил силу первой. Он, конечно, не стал бы мстить египтянам так жестоко, если бы не сокрушался более самих родителей о бедствиях детей их. Что же, после того, как он отмстил и несколько облегчил душу свою от такой скорби, успел ли он вполне насладиться отрадою, доставленною ему этим мщением? Едва наступил второй день, как этого блаженного постигла другая скорбь, тяжелее прежней, и объял такой страх, который заставил его совсем удалиться из Египта. Тяжело слышать дурное и от кого бы то ни было; но когда будет говорить дурное кто-нибудь из облагодетельствованных, станет поносить за благодеяния, ему оказанные, и укорять так: "не думаешь ли убить меня, как убил Египтянина?" (Исх.2:14), тогда, тогда обида бывает невыносимою и может даже вывести оскорбляемого из терпения; такое производит она

раздражение вместе с печалью! Но у Моисея к этому присоединилось еще третье - боязнь царя, которая так овладела душою праведника, что даже изгнала его из всей тамошней страны. Так становится беглецом - сын царский! Если кто считает счастьем для него воспитание при царском дворе, то пусть теперь вспомнит о придворном довольстве и увидит, что и оно сделалось для праведника причиной множества скорбей и неудобств, потому что не все равно, тому ли выносить долгое скитальничество и терпеть бедствия на чужбине, кто воспитан в простом доме и испытал много забот, много странствований и трудностей, или подвергнуться таким страданиям тому, кто никогда и на короткое время не испытывал этого, но жил всегда в довольстве: последний, конечно, с более тяжелым чувством, чем первый, обратится в бегство, если ему случится дойти до такой крайности; что тогда и случилось с Моисеем. Сделавшись беглецом, он приходит к человеку, который был идолослужителем и иноплеменником; а пользоваться столь долгое время гостеприимством человека, посвятившего себя на служение демонам, это не маловажная причина для скорби. Здесь Моисей, приняв в свое заведование стада того человека, в таком занятии провел сорок лет. Если это кому-либо представляется несколько не тяжелым, то вспомним о тех, которые уходят с родины и скрываются не по страху и боязни, но оставляют дом добровольно на малое время, как они томятся, как грустят, за какое благо считают возвращение на родину! Когда же к этому присоединяется еще страх и бедственная жизнь, при чем, однако, самые тягости и скорби представляются более легкими, нежели желанное возвращение на родину, то вообрази картину бедствий Моисея! Не просто выслушивай сказанное, что Моисей "пас овец" (Исх.3:1), но припомни при этом слова Иакова, которыми он высказывал жалобу пред тестем: "ты с меня взыскивал, днем ли что пропадало, ночью ли пропадало; я томился днем от жара, а ночью от стужи, и сон мой убежал от глаз моих" (Быт.31:39,40). Все это, конечно, было и с Моисеем, притом в течение еще большего числа лет и в большей степени, так как и страна (мадиамская) была пустынее страны (месопотамской). Если Моисей не жаловался на это, то и тот блаженный не сказал бы таких слов, если бы не был доведен до великой крайности и не был вынужден к тому неблагоприятностью тестя. Так чужбина и сама по себе может угнетать человека, если даже он оставил отчизну только по необходимости. "Как птица", говорит премудрый, "покинувшая гнездо свое, так человек, покинувший место свое" (Прит.27:8). Притом Моисей тогда не мог быть уверен даже в собственной безопасности; но как слуга, убежавший от жестокого господина, постоянно страшится и опасается, чтобы его не поймали, так и блаженный Моисей жил в постоянном страхе. Это видно из того, что он даже и тогда, когда Бог после столь долгого времени повелевает ему возвратиться в Египет, отказывается и медлит, хотя и слышал, что "умерли все, искавшие души его" (Исх.4:19).

2. Когда же он послушался и пошел в Египет, бив принужден оставить жену и детей, тогда опять начинаются укоризны, и оскорбления, и угрозы от тогдашнего царя египетского и жалобы и проклятия от получающих благодеяния. Тот говорит: "для чего вы, Моисей и Аарон, отвлекаете народ от дел его? ступайте на свою работу" (Исх.5:4). А израильтяне говорят: "да видит и судит вам Господь за то, что вы сделали нас ненавистными в глазах фараона и рабов его и дали им меч в руки, чтобы убить нас" (Исх.5:21). Прискорбно и тягостно это; но всего тяжелее было то, что он пришедший и обещавший евреям множество благ, свободу, избавление от тяготевших над ними бедствий, показался им обманщиком, потому что тяжесть угнетавшего их рабства не только не облегчилась, но увеличилась еще больше, и тот, кто подал

надежду быть избавителем всего народа и обещал это, оказался, по-видимому, виновником мучений и побоев, злоумышленником и губителем. Кто не впал бы в уныние, когда, обещав прекратить столь великие бедствия, после обещания сам же увидел прибавление других, еще более тяжкий бедствий? Моисей унывал, как естественно унывать тому, кто слышит и видит подобное; однако он не упал под тяжестью этой скорби, но остался непреклонным, хотя события не только не соответствовали, а даже противоречили его обещаниям. Обратившись к Богу и говоря об этом, он много плакал и сказал: "Господи! для чего Ты подвергнул такому бедствию народ сей, для чего послал меня? ибо с того времени, как я пришел к фараону и стал говорить именем Твоим, он начал хуже поступать с народом сим: избавить же, - Ты не избавил народа Твоего" (Исх.5:22,23). Пролит слезы и снова услышав от Бога такое же повеление, какое и прежде, он опять возвещает об этом израильтянам, но они не внимают ему, потому что души их были угнетены скорбью и унынием. "Они не послушали", говорится в Писании, "Моисея по малодушию и тяжести работ" (Исх.6:9). А это не мало огорчало его. Когда же последовали чудеса, и фараон многократно смеялся над ним, он и эти насмешки перенес мужественно. Когда, наконец, вышел он из Египта и вместе с иудеями стал уже надеяться на освобождение, то не успел еще вполне отдохнуть, как объял его прежний или даже гораздо больший страх. Не прошло и трех дней, как израильтяне увидели пред собою варваров вооруженными, и испытали тоже, что испытывают какие-нибудь беглые рабы, когда на чужбине внезапно окажутся пред глазами своих господ, или что испытали бы сами они, если бы случилось им в приятном сновидении увидеть себя на свободе, а, пробудившись опять оказаться в Египте и в тех же самых бедствиях. Впрочем, я не знаю, что можно назвать сновидением их, три ли дня свободы, или представившееся им теперь страшное и ужасное зрелище: такая мгла уныния покрыла взоры всех их. А Моисей объят был еще большим мраком: он боялся не египтян только, как прочие израильтяне, но и последних вместе с первыми. Те и другие теперь смотрели на него, как на обманщика и оболъстителя, одни - с насмешками и готовностью сделать нападение, а другие - с озлоблением и печалью. Впрочем, для чего по догадкам судить об унынии этого мужа, когда скорбь его можно вполне понять из слов нисшедших свыше? Когда он молчал и не дерзал даже отверзть уста, Бог говорит ему: "что ты вопиешь ко Мне" (Исх.14:15)? - одним этим словом объясняя нам смущение души его.

3. Когда прошел и этот страх, тогда опять поднялись еще большие беды. Предводимые Моисеем и получившие чрез него множество благ в продолжение всего пути поступали с ним хуже египтян и фараона. Во-первых, они поступали с великою дерзостью, требуя от него мяса египетского: не благодарили за настоящее, но хотели прежнего; это было всего тяжелее. Потерпел ли бы он более неприятностей, если бы поручено было ему начальство над беснующимися и сумасшедшими? Однако все это блаженный перенес мужественно, и если бы он не питал к ним любви, то это горе было бы сносно, и ему предстояло бы сетовать только о своем собственном положении; но так как он любил их больше, чем родители, то в самой заботливости о них имел другой повод к скорби - об их развращении и нечестии. Не так огорчало его то, что его оскорбляют, как то, что они - оскорбители. Преступно и то, что они были неблагодарны прежде ниспослания чудесной пищи; но они и среди чудес оказывали свое нечестие, беззаконие и жадность при собирании пищи и, пройдя немного вперед, опять роптали, опять выражали недовольство благодеяниями Божиими; и при каждом таком случае блаженный сокрушался и скорбел более самих грешивших. Так, когда они сделали тельца, то

сами они играли и веселились, а Моисей сетовал и скорбел, на себя самого призывал страшное проклятие, и, однако, ничто не могло заставить его подавить в себе сострадание к ним. И так, видя, что столь любимые им постоянно поступают хуже и хуже, в какой он был горести, какими обливался слезами? Если иной, имея одного сына, не мог бы жить, узнав, что сын его предался порокам, хотя бы сам был порочнее всех, то Моисей, который столько тысяч людей считал своими детьми, или лучше сказать, любил их больше, чем детей, - ибо никакой отец не пожелал бы, подобно ему, погибнуть вместе с сыном, не сделав сам никакого греха, - который имел столько детей, притом ненавидел зло и любил добро, сколько, думаешь, страдал он, видя, что все они, как бы согласившись, устремились в пропасть порока? Если бы мгла такой печали крайней не омрачила его и не потрясла до самой глубины души, то, конечно, он не бросил бы скрижалей из рук и не разбил бы их, хотя он скоро и исправил это несчастье. Но что, скажи, сделал он для этого? Самый способ врачевания, хотя и помог делу, однако был исполнен многих слез; и не бывало такого каменного человека, который нисколько не страдал бы при виде, как его братья и сродники побивали друг друга, подвергнув этому прискорбному избиению до трех тысяч человек (Исх.32:28). И мы, когда застаем детей своих за каким-нибудь худым делом, конечно, наказываем и сечем их, но делаем это не без сожаления, а напротив скорбим не меньше самих терпящих наказание.

4. Во время тогдашней великой скорби Моисея и ополчения (евреев), постигла их еще новая печаль. Бог угрожал, что сам Он уже не будет предводительствовать ими, но оставит их и предводительство ими передаст ангелу; это для Моисея было всего невыносимее. Послушай, что говорит он к Богу: "если не пойдешь Ты Сам [с нами], то и не выводи нас отсюда" (Исх.33:15). Видишь ли, как страх сменялся страхом и печаль печалью? Но бедствие не остановилось и на этом: когда Моисей преклонил Бога, и Человеколюбец умилился и даровал благодать, - евреи опять повергли Моисея в новые скорби, прогневая умилосердившегося Бога и подвергая самих себя крайним несчастьям. После многоплачевного избиения, они опять так разгневали Бога, что вызвали на себя огонь, который истребил бы почти всех их, если бы и при этом Бог не оказал великого человеколюбия. А Моисею при всем этом приходилось испытывать двоякую печаль - и от того, что израильтяне погибали, и от того, что оставшиеся в живых не исправлялись и не получали никакой пользы от гибели братьев. Избиение еще не кончилось, а оставшиеся в живых вспомнили уже о луке и, не довольствуясь тем, что у них было, говорили: "кто накормит нас мясом? Мы помним рыбу, которую в Египте мы ели даром, огурцы и дыни, и лук, и репчатый лук и чеснок; а ныне душа наша изнывает; ничего нет, только манна в глазах наших" (Чис.11:4-6). Тогда Моисей, уже не перенося их неблагодарности и изнемогши от скорби, отказывается от начальства и желает себе смерти вместо такой горькой жизни. Выслушай собственным словом его: "и сказал Моисей", говорится в Писании, "Господу: для чего Ты мучишь раба Твоего? и почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? разве я носил во чреве весь народ сей, и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка, в землю, которую Ты с клятвою обещал отцам его? откуда мне [взять] мяса, чтобы дать всему народу сему? ибо они плачут предо мною и говорят: дай нам есть мяса. Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня; когда Ты так поступаешь со мною, то [лучше] умертви меня, если я нашел милость пред очами Твоими" (Чис.11:11-15). Это говорил тот, кто некогда сказал: "прости им грех их, а если нет,

то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал" (Исх.32:32). Так изменила его печаль! Тоже часто бывает и с родителями, когда они огорчены поступками детей. Впрочем, Моисей, и после этих слов, не перестал сострадать израильтянам, как видно из того, что сделал он впоследствии. Когда, после покушения их умертвить соглядатаев и забросать его камнями, он спасся от рук их, то опять обратился к молитве за них и умолял Бога быть милостивым к тем, которые хотели умертвить его (Числ.14:10-20); так любовь его была сильнее даже естественной привязанности! Потом, когда соглядатаи умерли и не прошло еще время бывшего плача, израильтяне опять причинили ему новую печаль, во-первых, тем, что не послушались его запрещения воевать, и, во-вторых, тем, что были поражены амаликитянами (Числ.14:41-45); и еще прежде этой войны многие погибли от жадности и объедения (Числ.11:33). "Убил", говорится в Писании, "тучных их и юношей Израилевых низложил, еще пища была в устах их" (Пс.77:30,31). После зрелища этой великой смертности, когда печаль по поводу ее еще не прекратилась, Моисей опять был повержен в другую скорбь и поставлен в такую крайность, что молился, чтобы вождьленные и возлюбленные его израильтяне окончили жизнь неестественною и необычайною смертью; тогда одни были сожжены внезапно возгоревшимся огнем, а другие поглощены рассеяною землею; и пострадали, таким образом, не немногие, но больше пятнадцати тысяч мужей. Как же после этого относились к Моисею родственники и друзья погибших? В каком расположении был сам Моисей, видя, что от этого несчастья и дети сделались сиротами, и жены вдовами, что и сестра и брат его умерли, и сыновья последнего сожжены за некоторое беззаконие? Каждое из этих событий может опечалить и такую душу, которая еще нисколько не страдала, а тем более душу, претерпевшую столь много бедствий. Когда же иудеи победили хананеев и сделали длинный обход, то опять возроптали и опять стали гибнуть, не от болезни, как раньше, и не от огня и рассеявшейся земли, как прежде, но от укусов ядовитых змей, которые погубили бы всех их, если бы опять Моисей не предстал Богу и не умолил Его. Когда же они избавились и от этой гибели и избегли проклятий волхва, то опять устремились в самые гибельные пропасти: после благословений Валаамовых, или, лучше сказать, Божиих (ибо слова Валаама зависели не от его воли, но от действовавшей в нем силы), они стали прелюбодействовать с дочерьми иноплеменников и служить Веельфегору. Моисей, видя такой стыд и позор, опять повелел им умерщвлять друг друга, сказав: "убейте каждый людей своих, прилепившихся к Ваал-Фегору" (Чис.25:5), подобно тому, как при ране телесной, которая не заживает после многократных вскрытий и прижиганий, приказывают снова резать и прижигать и то, что осталось. Впрочем, слыша об этих трудностях, не думай, будто они только и были; я еще опустил не мало из упомянутых (в Писании): войны, сопротивления врагов, длинные путешествия, оскорбление от сестры, ее наказание, о котором в особенности сетовал кротчайший Моисей; но хотя бы я тщательно собрал все, и тогда описанное не составило бы тысячной части того, что было на деле. Если управляющий немногими слугами в доме встречает множество поводов к огорчениям и к печали, то обязанный управлять столькими тысячами в продолжение сорока лет и в пустыне, где не было ни (здорового) воздуха, ни воды, сколько должен был иметь каждодневно дел, сколько забот, сколько печалей, и при жизни и по смерти людей? Он видел умершими всех, которых вывел из Египта, кроме двух только мужей; сам же и потомков их не удостоился ввести в землю обетованную, но только увидел ее с вершины горы Навав и хорошо изучил природу ее, а насладиться ею вместе с прочими израильтянами не был допущен, остался вне ее и умер, о чем и сам он сетовал пред израильтянами в таких словах: "и Господь

прогневался на меня за вас, и клялся, что я не перейду за Иордан и не войду в ту добрую землю, которую Господь, Бог твой, дает тебе в удел; я умру в сей земле, не перейдя за Иордан, а вы перейдете и овладеете тою доброю землею" (Втор.4:21,22). А всего тяжелее то, что Бог свел его и во гроб с печалью, так как Моисей наперед узнал, какие бедствия постигнут иудеев: идолопоклонство, плен, невыразимые несчастья, почему и сокрушался душою не о том только, что сам видел и что уже было, но и о том, чего еще не случилось. Так, начав скорбеть и горевать с раннего возраста, он с тем же унынием и окончил жизнь.

5. А преемник его Иисус (Навин) вместе с ним вкушал, так сказать, все горькое: если же он в молодости и избежал чего-нибудь, то восполнил это по смерти Моисея. Он не только при жизни Моисея разрывал одежды свои и посыпал пеплом голову, но и по смерти его опять поставляем был в такую же, или даже в большую крайность, так что не короткое время, но целый день лежал, подвергшись на земле. Выслушай слова его и сетования: "Иисус разодрал", говорится в Писании, "одежды свои и пал лицом своим на землю пред ковчегом Господним [и лежал] до самого вечера, он и старейшины Израилевы, и посыпали прахом головы свои. И сказал Иисус: о, Господи Владыка! для чего Ты перевел народ сей чрез Иордан, дабы предать нас в руки Аморреев и погубить нас? о, если бы мы остались и жили за Иорданом! О, Господи! что сказать мне после того, как Израиль обратил тыл врагам своим? Хананеи и все жители земли услышат и окружат нас и истребят имя наше с земли" (Иис.Нав.7:6-9). Услышав это, Бог открыл ему виновника поражения; и Иисус, узнав это, истребил всех, не только согрешившего, но и его родственников и домашних и множество скота (Иис.Нав.7:24-26); а это не мало возмутило душу его. Если мы не можем смотреть, когда называют чужих, то чего не претерпел он, подвергая таким бедствиям соотечественников и соратников своих? А как (огорчали его) обман гаваонитян и подозрение, павшее на те колена, которые поселились по ту сторону Иордана? Как тяжело было постоянное пребывание на войне и в сражениях? Какая душа могла при этом оставаться спокойною? Если он и одерживал победы, то удовольствие от получения трофеев омрачалось заботами о предстоявших еще войнах. Раздел участков также доставил ему много труда и много беспокойства; знают это те, кому был поручае раздел, хотя небольшого, имущества между братьями или другими наследниками после кого-нибудь. О последующих несчастьях народа еврейского не считаю нужным говорить; потому что речь теперь не о том, проводил ли кто-либо скорбную жизнь, но о том, кто из благоугодивших Богу (проводил такую жизнь).

6. Посему, если угодно, упустим Илию, который оскорбил Бога нечестием детей, или вернее сказать - своею беспечностью. Он был наказан не за то, что имел порочных детей, но за то, что щадил их больше надлежащего и не наказывал за нарушение законов Божиих; сознавая это, и сам он, после сильной угрозы Божией, говорил: "Господь; что Ему угодно, то да сотворит" (1Цар.3:18). Итак оставив его, перейдем к Самуилу, который с детства воспитывался в храме, всегда отличался благочестием пред Богом и с раннего возраста оказался столь добродетельным, что, не успев еще возмужать, был причислен к дивным пророкам, и притом в такое время, когда оскудело пророчество: "в те дни", говорится в Писании, "видения [были] не часты, слово Господне было редко" (1Цар.3:1). Этот Самуил, рожденный после многих слез, был, прежде всего, опечален и смущен, как признательный и любящий ученик, видя своего учителя пораженным бедственной смертью; а потом он должен был постоянно оплакивать и несчастья иудеев. Сыновья же его, нечестивые, злые и крайне

преданные порокам, опечаливали его как свою жизнь, так и тем, что не могли наследовать дарованной ему чести (1 Цар.8:3). За эту печаль последовало, или лучше сказать, не последовало, - так как она не прекращалась, - но к ней присоединилось еще незаконное требование израильтян, при чем Самуил так упал духом, что нуждался в великом утешении. Послушай, что говорит ему Бог: "не тебя они отвергли, но отвергли Меня" (1Цар.8:7). Впрочем, и после этого Самуил так заботился о них, что говорил к ним: "не допущу себе греха пред Господом, чтобы перестать молиться за вас" (1Цар.12:23). Поэтому, когда он видел их, столь им любимых, бедствующими, поражаемыми на войнах, прогневающими Бога, мог ли он чувствовать какое-либо удовольствие, мог ли когда-нибудь оставаться без печали и слез? А когда он поставил царем Саула, то опять последовали для него скорби непрерывно одна за другою. Так, когда Саул принес жертву вопреки воле Божией, когда он, победив амаликитян, пощадил царя их, опять вопреки повелению, Самуил был так поражен в душе, что более не видел этого человека, но с того времени до последнего дня сетовал и плакал о нем, хотя и укоряем был за чрезмерную скорбь. Бог говорил ему: "доколе будешь ты печалиться о Сауле, которого Я отверг" (1Цар.16:1). Если же он плакал при этих событиях, то что было с ним, когда Саул избил столько священников напрасно и без вины? - когда в другой раз пошел умертвить своего благодетеля, который не сделал ему никакого зла? - когда он увидел Саула нагого пророчествующим и лежащим на земле? - когда слушал многочисленные сетования и жалобы Давида на Саула?

7. Вспомнив о Давиде, я не знаю, что мне делать: изложить ли теперь продолжительные сетования его, описанные в псалмах или, предоставив тебе прочитать их на досуге, самому рассказать его несчастья. Так, Давид потерпел много бедствий, когда пас стада, отражая нападения и непостоянных стихий и диких зверей; первое видно из того, что говорил Иаков; а последнее из того, что сам он говорил Саулу о льве и медведе. Когда же он, рано оставив эту жизнь, приступил к делам военным - опускаю зависть братьев, хотя и она была для него весьма тягостна, - когда, вступив в единоборство, одержал блистательную и чудную победу, то в облагодетельствованном Сауле нашел себе врага сильнее низложенного Голиафа; потому что Саул не открыто вооружался против него, но, приняв вид друга и притворившись почитателем и попечителем его, поступал с ним враждебно. А как прискорбно за добро получать зло, о том послушай блаженного пророка, который постоянно плакал, сетовал и говорил: "должно ли воздавать злом за добро" (Иер.18:20)? Даже без всякой другой неприятности, одно то причиняет великую скорбь военачальнику, что он находится в подозрении у царя, который смотрит на него с неудовольствием. Что я говорю - военачальнику у царя? Нам неприятно, если и слуги так относятся к нам; когда же притом строятся козни против жизни ненавидимого, то какая жизнь может быть горестнее этой? Однако Давид все переносил и терпел; жил вместе с тем, кто замышлял убить его, и участвовал в его войнах. Когда же он удалился и устранился от войны, то хотя самое удаление и обнаружение вражды (Сауловой) поспособствовало несколько безопасности (Давида), но так как он должен был с четырьмястами мужей защищаться против многочисленного Саулова войска, то трепетал более чем прежде. Подумай, в каком он был положении, когда не имел ни города, ни крепости, ни союзников, ни доходов, и должен был воевать с тем, который имел все это, между тем как сам он не мог, кроме пустыни и пещер, найти и места, куда бы убежать. Взяв город, так называемый Кеиль, он тотчас вышел из него, когда священник сказал, что Бог не избавит его из рук Саула, если

он останется там. А этот священник был тот самый, который избежал рук Саула и возвестил Давиду о бывшем в Номве печальном происшествии, причем (Давид) произнес прискорбные слова: "я виновен во всех душах дома отца твоего" (1Цар.22:22). Таким образом, этот священник, постоянно находясь с Давидом, служил только напоминанием о том печальном событии; взирая на него, Давид постоянно вспоминал о гибели священников, а вспоминая об этой гибели и обвиняя самого себя в этом избиении, он жил бедственнее всякого приговоренного к казни. Если бы и ничто другое не тревожило его, то одной мысли, что он сам был виновником избиения столь многих священников, достаточно было для того, чтобы уязвлять и сокрушать душу его. Между тем он, сокрушаясь этою мыслию, которая и ночью и днем хуже червя терзала душу его, получал еще потом и другие раны, непрерывно одну за другою. Так, когда Навал оскорбил его в лице его слуг, и назвал его беглецом, изгнанником, неблагодарным рабом, он не без скорби перенес такие слова; также, когда, пришедши к Анхусу, он притворился безумным, падал на землю, искажал свое лицо и испускал из уст своих много пены, он более действительных бесноватых терзался мыслию о том, до какой крайности довел его Саул, столь облагодетельствованный им. Когда же Давид несколько отдохнул, живя у иноплеменников, то должен был идти воевать с их врагами; но военачальники, завидуя ему и желая оклеветать его пред царем, удалили его из войска, как бы человека бесполезного, коварного и вероломного: "вознегодовали", говорится в Писании, "на него князья Филистимские, и сказали ему князья Филистимские: отпусти ты этого человека, пусть он сидит в своем месте, которое ты ему назначил, чтоб он не шел с нами на войну и не сделался противником нашим на войне. Чем он может умилостивить господина своего, как не головами сих мужей" (1Цар.29:4)? Давид, пораженный этими словами, удалился с великим огорчением и унынием. Но, прибывши домой, он нашел столько бедствий, что едва не умер от печали. Случившиеся тогда бедствия могли бы омрачить его душу, если бы даже были им предусмотрены, а так как они случились нечаянно и неожиданно, то казались вдвое более тяжкими, и были уже невыносимы. Он отправился домой, чтобы отдохнуть и найти облегчение прежней скорби своей в детях и женах; но, прибывши, внезапно услышал, что он в неволе у врагов, и увидел огонь, и дым, и кровь мертвецов, и прежде, нежели он оплакал убитых и окончил сетование о плененных, на него напали свирепее зверей, жители города, и каждый из них хотел найти облегчение своих горестей в его смерти. Как при столкновении на море противных ветров, от их борьбы происходит великая и свирепая буря; так и тогда уныние и страх терзали душу праведника, в которой происходило великое волнение и смущение от этих чувствований, непрерывно то преодолевающих, то преодолеваемых одно другим. Когда же он избавился от этих бедствий и возвратил жен и всех пленных, то прежде, нежели наслаждался этою победой, опять был поражен горестною вестью о смерти Ионафана, которая так поразила душу его, как можно видеть из его плача: "любовь твоя была для меня", говорил он, "превыше любви женской" (2Цар.1:26). Что я говорю об этом плаче? Тот, кто столько плакал об отце Ионафана, своем враге и зложелателе, тысячекратно искавшем его гибели, что мог чувствовать, когда узнал, что разделявший с ним опасности, многократно избавлявший его от козней отца, участвовавший в его тайнах и заключавший с ним много договоров, что этот человек лишился жизни в то время, когда Давид мог воздать ему должное за прежние благодеяния?

8. Когда эта скорбь была еще в полной силе, опять в новую печаль повергает его военачальник (Иоав), не давший Авениру исполнить обещанного, коварно убив того, который обещал легко и без всякого труда предать Давиду все войско. Давид был так огорчен этим убийством, что тогда же проклял Иоава, и во время кончины своей поручил своему сыну отмстить ему за это бесчестное убийство. Самые слова, которыми Давид громко оплакивал Авенира, достаточно изображают нам страдание души его: "царь", говорится в Писании, "громко плакал над гробом Авенира; плакал и весь народ. И оплакал царь Авенира, говоря: смертью ли подлого умирать Авениру? Руки твои не были связаны, и ноги твои не в оковах, и ты пал, как падают от разбойников" (2Цар.3:32-34). Что же после этого? Коварно умерщвляется Мемфивосфей и к печали Давида о нем (ибо и о нем Давид скорбел так, что даже умертвил убийц его) присоединилось противодействие хромым и увечных, которое сильно возмутило его.

Одолев и этих и других врагов, он с великою радостью переносит кивот, но в то самое время, когда переносили ковчег и все радовались, среди веселья случилось событие, которое омрачило всеобщую радость и повергло душу царя в уныние и великий страх. Гнев Божий внезапно поразил и умертвил Озу, который хотел поддержать падавший кивот; и страх от этого так сильно потряс душу Давида, что он тогда только решился перенести кивот к себе, когда узнал, какое благополучие было от него Аведдару, который тогда принял его (2 Цар.6:8-12). Потом, когда умер царь аммонитский, Давид, как муж добрый и человеколюбивый, отправил послов утешать сына его и убеждать его мужественно переносить смерть отца; а тот, за такую честь постыдно оскорбив послов, отослал их обратно к царю. Неужели по твоему мнению, этого мало, чтобы опечалить и поразить душу? Не доказывает ли этого и самая война, которая не имела никакого другого предлога и дошла до такого ожесточения, что подвергла Давида бесчисленным бедствиям (2Цар.10)? Этих бедствий, хотя бы кто примешал к ним тысячу удовольствий, достаточно для того, чтобы жизнь Давида признать скорбною; но последующие бедствия его таковы, что до них как бы еще и не начинались истинные скорби. Подлинно страдания этого царя превзошли всякую басню и всякую трагедию; на дом его обрушились такие необычайные и непрерывные бедствия, как будто у него одно зло постоянно старалось помогать другому злу. Так посмотри: Амнон полюбил сестру свою, полюбив, обесчестил ее; обесчестив, возненавидел и допустил разгласиться как бесчестию, так и кровосмешению, приказав одному из слуг тотчас изгнать ее из дому против воли и отправить чрез (городскую) площадь, причем она кричала и плакала (2Цар.13). Авессалом, узнав об этом и созвав на пир всех братьев, между которыми был и этот оскорбитель, умерщвляет его при посредстве слуг, когда тот ел и пил. Потом некто, отлучившись оттуда и в смятении не разузнав точно случившегося, возвестил царю, что все сыновья его умерли. Тогда Давид сидя плакал о мнимом убиении всех сыновей своих; когда же в точности узнал о случившемся, то грозил сыну и говорил, что умертвит его; и хотя (Авессалом) убежал в чужую страну, где он провел три года, царь во все время продолжал гневаться; даже и по прошествии этого времени не призвал бы его к себе, если бы умный военачальник против его воли не склонил его на такое дело. Но и призвав сына, он еще не заживил сердечной раны, но удалил его от лица своего еще на два года, и только после столь долгого времени, по просьбе военачальника, дал сыну позволение явиться к себе. Но сын, злопамятуя о прежнем или притом стремясь к власти, восстал на отца и довел его опять до скитальничества и бегства, которым он подвергался при

Сауле, и даже сделал его жизнь гораздо тяжелее прежней. Тогдашние скорби Давид терпел, быв военачальником; а теперь он принужден был скитаться после многих лет царствования и после победы, можно сказать, над всеми врагами. И доведший его до этого был и не чужой и не неприятель, но "вышедший из чресл его", как сам он говорил с жалобой (2Цар.16:11). Тогда он был во цвете лет и мог все переносить мужественно, а теперь, в то время, когда ему следовало в этом негодном сыне иметь утеху своей старости, в нем встретил злоумышленника и врага. И вышел царь из Иерусалима вместе с немногими, босой, закрываясь и проливая слезы. Эта война причинила ему не только скорбь, но и стыд. Сын поступил тогда с блаженным оскорбительнее, чем Саул, обесчестил и наложниц отца, и притом не скрытно, но на кровле дома пред взорами всех; в ярости против отца нарушил и уставы природы, и законы обращения с женщинами, и в безумном упоении, когда война еще продолжалась, отважился сделать то, что обыкновенно делают уже по одержании победы и по взятии врагов в плен. Между тем Сива, встретив Давида в такой печали и страхе, еще более возмутил его, нагав на своего господина и сказав, будто (Мемфивосфей) замышляет овладеть царством (2Цар.16:3).

9. После Сивы является Семей, человек злой и неблагодарный, и направляет против Давида множество злословий, бросая в него камнями с такими словами: "уйди, убийца и беззаконник! Господь обратил на тебя всю кровь дома Саулова, вместо которого ты воцарился, и предал Господь царство в руки Авессалома, сына твоего; и вот, ты в беде, ибо ты – кровопийца" (2Цар.16:7,8). Слыша и претерпевая это, Давид сокрушался, как видно из самого плача его, но не решился ничего сделать и дал Семейю уйти живым, сказав: "оставьте его, пусть злословит, ибо Господь повелел ему; может быть, Господь призрит на уничижение мое, и воздаст мне Господь благостью за теперешнее его злословие" (2Цар.16:11,12); а сам с беспокойством и страхом ожидал, чем кончится предприятие Хусия. Когда же и это сделалось известным, то началось война, самая необыкновенная из всех когда-либо бывших войн, и даже похожая на загадку. Того, кто был виновником таких бедствий и подал все поводы в такой войне, с чьим падением уничтожались все эти бедствия, - того самого тщательно беречь и щадить Давид убеждал полководцев своих, повторяя: "сберегите мне отрока Авессалома" (2Цар.18:5). Что могло быть хуже этого горестного положения? Что прискорбнее этого затруднения? Давид вынужден был начать войну, в которой равно было тягостно для него и победить и быть побежденным. Он не хотел ни быть побежденным, иначе не выслал бы такого войска, ни одержать победы, иначе не запрещал бы умертвить того, кто начал и повел войну против него. Когда же война была решена и кончилась, как угодно было Богу, когда отцеубийца пал, тогда все прочие были в веселье и радости, один только Давид горевал и плакал, и, запершись, звал умершего и скорбел о том, что сам не умер вместо него: "кто дал бы мне умереть", говорил он, "вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой" (2Цар.18:33)? Слыхано ли что-нибудь ужаснее этого несчастья? Когда Авессалом умертвил своего брата, Давид хотел умертвить его; когда же Авессалом с неистовством восстал на него самого, тогда он щадит этого самого сына. И долго не перестал бы он плакать об умершем, если бы не пришел Иоав и не объяснил неуместности этой печали, если бы сильною речью не возбудил в нем бодрости и не склонил его принять войска с надлежащим достоинством. Впрочем, его бедствия еще не кончились и этим; но, во-первых, воины возмутились и разделились между собою; потом, едва только они покорились царю, и притом после многих ласковых увещаний, как опять отложились от него и присоединились к Савею; тогда опять началась другая война.

между тем как не совсем еще окончилась и прежняя. Возмущенный этим Давид, собрав своих воинов, выслал их с военачальниками против неприятелей; но Иоав, одержавший победу и в этой войне, не преминул омрачить радость о победе печалью. В иступлении зависти, он без причины и совершенно безвинно злодейски умертвил равного ему военачальника, который привел под власть Давида весь народ; и это убийство так встревожило и возмутило царя, что он и при смерти своей завещал сыну и просил не оставить убитого Амессая не отмщенным. А еще тяжелее то, что Давид, находясь в таком расположении духа, не решался даже высказать причины своей скорби, потому что уже был угнетен бесчисленными бедствиями. После этих войн постиг всю страну голод и Давид, для прекращения этого зла, принужден был выдать детей Саула на смерть. Так повелевало определение (Божие): "ради Саула и кровожадного дома его, за то, что он умертвил Гаваонитян" (2Цар.21:1). А кто вспомнит, как Давид оплакивал Саула, тога поймет, как страдал он и в это время, выдавая детей его гаваонитянам; однако и это он перенес; а между тем опять последовали дальнейшие несчастья. После голода настала язва и в течение полудня падает семьдесят тысяч мужей, при чем царь, увидев ангела, простершего меч, и произнося скорбные слова, сказал: "вот, я согрешил, я поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они? пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего" (2Цар.24:17). Впрочем, нам невозможно с точностью пересказать все его печали; не все они изложены и в Писании; но по его плачевным песням и жалобам можно догадываться о тяжести и тех скорбей его, о которых не упомянуто, и о том, что этот праведник никогда не переставал скорбеть и сетовать. Что же он говорит? "Дней лет наших - семьдесят лет, а при большей крепости - восемьдесят лет; и самая лучшая пора их - труд и болезнь" (Пс.89:10). Если же ты скажешь, что он здесь изобразил жизнь человеческую вообще, а не свою только, то скажешь больше того, что я сам хочу сказать, и избавишь нас от многоречия, сам признавая, что не только в жизни Давида, но и в жизни всякого другого человека гораздо больше скорбей, чем удовольствий. Действительно, как и сам ты правильно говоришь, Давид произнес такой приговор, имея в виду не только свою жизнь, но и других, и выразил то же самое, что и патриарх, только с большею силою; что тот сказал о части, то этот после обо всех. Тот говорил: "малы и несчастны дни жизни моей" (Быт.47:9); а этот: "дней лет наших", т. е. дни всех людей, "семьдесят лет, и самая лучшая пора их - труд и болезнь".

10. Но это, как я сказал, представляю тебе исследовать со всею точностью на досуге, а сам перейду к прочим пророкам. Хотя они нигде не оставили нам описания своей жизни, встретив впрочем и для этого затруднение в чрезмерности угнетавших их бедствий, но я думаю, что одним словом можно назвать всю жизнь их прискорбною. И, во-первых, что было общим у всех их, они в течение жизни своей были мучимы пытками, бичуемы, перепиливаемы, побиваемы камнями, заключаемы в темницы, умирали от меча, скитались в овечьих и козьих кожах, терпя недостатки, бедствия, озлобления (Евр.11:36-38). К этому присоединилась у них и другая печаль, еще более тяжкая, от того, что они видели, как возрастало нечестие причинявших им бедствия; этим они терзались больше, чем собственными скорбями. Так один из них говорил: "клятва и обман, убийство и воровство и прелюбодейство крайне распространились, и кровопролитие следует за кровопролитием" (Ос.4:2), показывая нам и безнаказанность, и разнообразие, и распространение нечестия. Другой взывал так: "горе мне! ибо со мною теперь - как по собрании летних плодов, как по уборке винограда: ни одной ягоды для еды, ни спелого плода" (Мих.7:1), оплакивая этими словами малочисленность людей

добродетельных. Иные еще жаловались на другое что-либо подобное. Пастырь коз (Амос) не только сетовал о грехах иудеев, но и плакал об их несчастиях более, чем о собственных искушениях, и молился Богу так: "Господи Боже! пощади: как устоит Иаков? он очень мал" (Ам.7:2). Но не смотря на это, он не получил просимого, как сказано: "'и этого не будет", сказал Господь Бог" (Ам.7:6). А Исаия, услышав, что вся земля будет опустошена, не хотел утешиться, но постоянно плакал и говорил: "оставьте меня, я буду плакать горько; не усиливайтесь утешать меня" (Ис.22:4), потому что такой род смерти выше всякого несчастья. Кто в состоянии читать без слез плачевные песни Иеремии о городе и о нем самом, как написанные особо, так и рассеянные по всей его пророческой книге? Иногда говорил он: "кто даст голове моей воду и глазам моим - источник слез! я плакал бы день и ночь о пораженных дочери народа моего"? Иногда: "кто дал бы мне в пустыне пристанище путников! оставил бы я народ мой и ушел бы от них: ибо все они прелюбодеи" (Иер.9:1,2). А иногда жалобно взывал: "горе мне, мать моя, что ты родила меня человеком, который спорит и ссорится со всею землею" (Иер.15:10); иногда же проклинал и день рождения своего: "проклят день", говорил он, "в который я родился" (Иер.20:14). А грязный ров, скорби от уз, бичевания и клеветы и постоянные насмешки привели его в такое состояние, что он даже стал отчаиваться. Что испытал он, когда по взятии города встретил заботливость и почтение к себе со стороны иноплеменников? Радовался ли он этому? Напротив, тогда-то он и написал горький плач об умерших, и увидел бедствия не меньшие прежних от того, что оставшиеся в живых после войны раздражали Бога. Обещав повиноваться Ему во всем и ни в чем не противиться, они, однако, ушли опять в Египет, тогда как повеление (Божие) требовало совершенно иного, и пророка увели вместе с собою, и своею неблагодарностью вынуждали его предсказывать им беды, тягчайшие прежних. А что Иезекииль? А что Даниил? Не в плену ли провели они всю жизнь? Притом, первый из них за чужие грехи был наказан голодом и жаждою; когда же умерла жена его, ему повелено было переносить такое несчастье без слез; а что может быть тягостнее того, когда не позволено оплакивать и собственные бедствия? Не говорю теперь о том, что он принужден был есть хлеб свой на куче навозной, лежать на одном боку сто девяносто дней, и терпеть все прочее, что повелевалось ему. Если бы и не случилось с ним ни одной из горестей, как опущенных нами, так и упомянутых теперь, то самое пребывание среди врагов, иноплеменников и людей нечистых, для праведного и чистого было тяжелее всякого наказания. А Даниил, по-видимому, наслаждался великою честью и жил как бы не в плену, пребывая при царском дворе и имея власть; но если кто прислушается к его молитве, обратит внимание на его пост, перемену лица и непрестанные мольбы, и точно узнает, для чего он делал это, тот увидит, что этот пророк более всех скорбел и унывал. Мучили его не только настоящие бедствия, но возмущали и будущие, так как он удостоился видеть пророческими очами и то, чего еще не было; взирая на иудеев, еще не освободившихся от прежнего рабства, он должен был предвидеть другое их пленение; город, который еще не был восстановлен, он видел уже разрушенным, а храм - оскверненным (нечистыми) жертвами и опустошенным, и всю святыню ниспровергнутою. Посему он скорбел и плакал и говорил: "Господи! у нас на лицах стыд, у царей наших, у князей наших и у отцов наших, потому что мы согрешили пред Тобою" (Дан.9:8).

11. Не знаю, как между пророками я пропустил одну небесную душу, - того, кто на земле жил как на небе, у которого не было ничего, кроме милости. Что же этот великий и дивный

человек, если только можно назвать его человеком? После смелой речи пред Ахавом, после низведения огня, после избиения жрецов, после того, как он заключил и отверз небо во время, назначенное по его желанию, после столь многих и столь великих подвигов он подвергся такому страху и такому чрезмерному унынию, что сказал такие слова: "возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих" (3Цар.19:4). Это говорил тот, кто и теперь еще не умер. Мало этого; он удалился в пустыню, и спал там, изнемогши от тяжкого уныния. А ученик его получил не только сугубый дух учителя, но и скорби гораздо более тяжкие. Изображая этих пророков для нас и перечисляя их бедствия, блаженный Павел несколько раньше сказал: "те, которых весь мир не был достоин" (Евр.11:38). Благовременно пришел нам на память и этот блаженный. Если он, явившись один, может доставить нам достаточное утешение, то какого уныния и какой печали не уничтожит он, представши после других? Не считаю нужным говорить о голоде, жажде и нагоде, о кораблекрушениях и пребывании в пустынях, о страхах и опасностях, о клеветах и темницах, ранах и бдениях, о бесчисленных опасностях смерти и обо всем прочем, что претерпел он за проповедь. Все это, хотя и причиняло некоторые скорби, но доставляло ему и удовольствия. Когда же отверглись от него все азийские верующие, когда уклонились от веры галаты - целый знаменитый народ, когда коринфяне разделили свою церковь на многие части и, оказав послабление блуднику, довели его до бесстыдства, тогда что, думаешь ты, чувствовал Павел? Каким мраком объята была душа его? Впрочем, для чего нам делать умозаключения, когда можно слышать собственные слова его? Так, в послании к Коринфянам он говорил: "от великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами" (2Кор.2:4); и еще: "чтобы опять, когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой и [чтобы] не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись" (2Кор.12:21). А к галатам говорил: "дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос" (Гал.4:19). На азийцев же он жалуется и своему ученику. И не только это мучило его, но и данный ему пакостник (плоти) так сокрушал и беспокоил его, что он многократно молил Бога об освобождении от него; ибо слово "трижды" значит здесь многократно (2Кор.12:8). Вообще мог ли когда-нибудь быть спокойным тот, кто сокрушался даже об отсутствии брата? "Я не имел покоя духу моему", говорит он, "потому что не нашел [там] брата моего Тита" (2Кор.2:13). И по случаю болезни другого брата, он опять страдал точно также: "Бог помиловал его", говорил он филиппийцам об Епафрасе, "и не его только, но и меня, чтобы не прибавилась мне печаль к печали" (Фил.2:27). Также сильно скорбя по поводу обольстителей и своих противников, он в послании к Тимофею говорил: "Александр медник много сделал мне зла. Да воздаст ему Господь по делам его" (2Тим.4:14). И так, мог ли он иметь хотя малое отдохновение от уныния и скорби? Кроме вышесказанных бедствий, тяготивших душу его, были и другие, которые причиняли ему постоянную скорбь. И это опять сам он открыл, сказав: "кроме посторонних [приключений], у меня ежедневно стечение [людей], забота о всех церквах. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся" (2Кор.11:28,29). Если же он за каждого из соблазнявшихся сам воспламенялся, то этому воспламенению и невозможно было погасать в душе его: потому что никогда не было недостатка в соблазнявших и доставлявших пищу этому пламени. Когда отпадали города, а часто и целые народы, то тем более это могло непрестанно случаться с тем или другим (верующим) из столь многих церквей во вселенной. Но предположим на словах, если угодно, что никто никогда и не соблазнялся и не отделялся от Павла, и никакой другой подобной неприятности не случилось с ним, - и в таком случае я не могу признать его

свободным от уныния: на это опять мне не нужно никакого другого свидетеля, кроме самого страдальца. Что же он говорит? "Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти" (Рим.9:3). А это означает следующее: желательнее было бы для меня впасть в геенну, нежели видеть израильтян неверующими. Это именно значат слова: "Я желал бы сам быть отлученным"; если же он готов был потерпеть геенские мучения для того, чтобы иметь возможность привести (к вере) всех иудеев, то, очевидно, что, не достигши этого, он вел жизнь более тягостную, чем мучимые в геенне, потому что для него было желательнее последнее более, нежели первое.

12. В каждом из упомянутых бедствий ты обрати внимание не только на причину, от которой рождалось у тех мужей уныние, но и на степень печали, и увидишь, что их печаль гораздо больше твоей скорби. Исследуем же теперь, сильнее ли они скорбели, чем ты, а степень уныния обыкновенно определяется не только причиной, от которой оно произошло, но и словами и делами (страждущих). Многие, потеряв только деньги, сетовали больше, чем ты; так что иные бросились в море, другие повесились, не вынесши этой потери; а некоторые от чрезмерной печали потеряли даже зрение: хотя потерять деньги кажется легче, нежели терпеть мучение от демона, однако многие перенесли последнее, а первым были поражены. Не суди об этом по своей душе и не думай, что если ты смеешься над потерей денег, то и другие относятся к ним так же; потеря денег довела многих до безумия и крайнего расстройства. Конечно, благородной души ни одна из этих скорбей не может сокрушить; но душа слабая и привязанная к миру более терзается потерей денег, нежели мучением от демона. Почему? Потому, что не одно и то же - бояться ли голода постоянно, или выносить мучения от демона только по некоторым дням: в последнем бедствии сильное мучение продолжается немного времени, подобно как в горячке, или в лихорадке, или при другом каком-либо периодическом припадке; и даже гораздо меньше продолжается, чем в этих болезнях. Если же (скажешь, что) болезнь беснования превосходит эти болезни силою, то я могу указать тебе на многих из одержимых горячкою таких, которые, когда охватывает их этот огонь, приходят в большее исступление, чем бесноватые. А при бедности опасение терпеть недостаток в необходимом, как неистребимый червь, гнездится в душе бедных, и точит ее непрестанно. Что я говорю о бедности? Если мы захотим перечислять все несчастья человеческие, то не только мы, но, может быть, и сам ты станешь смеяться над своим плачем и стенаниями. Но нам невозможно изобразить всех, даже малейшей части этих несчастий; мы не знаем их, а если бы и знали, то нам не достало бы целой жизни для повествования о них. Поэтому, выбрав из многих только некоторые, предоставлю тебе по ним заключать, по возможности, и о тех, которые будут опущены. Так, вспомни о том любезнейшем старце, Демофиле, из великого и знатного дома. Вот уже пятнадцатый год, как он ничего не в состоянии делать, подобно мертвым, отличаясь от них только тем, что постоянно трясется, кричит и ясно сознает свое несчастье; он живет в крайней бедности, и имеет одного слугу, юношу, хотя и доброго и привязанного к своему господину, но неспособного облегчить его несчастье, потому что слуга не может ни избавить от бедности господина, ни прекратить трясения его от расслабления; а может только вложить кусок в уста господина (свои руки не служат последнему и в этом), подать ему чашу и очистить нос; кроме этого он не в состоянии оказать ему никакой помощи. Так бедствует этот старец уже пятнадцать лет, как я сказал; при этом я припоминаю и того расслабленного, который страдал таким же недугом тридцать восемь лет (Иоан.5:5). Кроме

этих несчастных, представь еще Аристоксена вифинского, который хотя не расслаблен телом, как тот старец, но одержим такою болезнью, которая гораздо тягостнее расслабления. Какие-то судороги в желудке и боли, несноснейшие всякой пытки, то пронзают его хуже вертелов, то пожирают сильнее огня, и мучат каждый день и каждую ночь, так что не знающие его болезни считают его за сумасшедшего: так судороги искривляют у него зрачки, стягивают руки с ногами, и делают его безгласным! А крики его и стоны (он часто после онемения начинает кричать) бывают сильнее стонов женщин, мучащихся родами; и нередко живущие вдали, у которых есть больные, страдающие от долгой бессонницы, присылали с жалобой на то, что их больным становилось хуже от этих криков. Это бывает с ним не чрез долгие промежутки времени, но по несколько раз днем и по несколько раз ночью, и вот уже шестой год, как он предан этому злему недугу; нет у него ни слуги, который бы ухаживал за ним, ни врача, который бы облегчал его страдания; первого по бедности, а второго потому, что врачебное искусство оказалось бессильным пред этою болезнью; многие врачи долго трудились над ним (так как у него прежде много было денег), и нисколько не помогли ему. А что всего тяжелее, - никто из друзей уже не хочет видеть его, но все оставили его, даже те, которые прежде много были благодетельствованы им. Если же кто-нибудь и войдет к нему, то тотчас же убегает: таким зловонием наполнена комната его, потому что никто не убирает ее. При нем сидит одна только служанка, которая делает не больше, чем сколько может сделать одна женщина, притом такая, которая приобретает себе пропитание трудами рук своих. Скольких же демонов мучительнее его бедствия? Если бы самые эти бедствия не мучили его, то чего не претерпел бы он от мысли о том, как много времени лежит он на одре, о больших издержках, доведших его до крайней бедности, о презрении от друзей, о неимении слуг, и от неведения о том, прекратятся ли когда-нибудь бедствия, - о чем и ты всегда скорбишь, - или лучше сказать, от совершенной уверенности, что они никогда не прекратятся, пока он будет жить и дышать? Так заставляет думать жестокость болезни и то, что бедственное положение его с каждым днем ухудшается.

13. Но чтобы мне не утомить слушателей перечислением каждого и всех подобных страдальцев, ты отправься к смотрителю странноприимного дома и попроси его ввести тебя к лежащим там, чтобы увидеть всякого рода страдания, странные виды недугов и разнообразные причины уныния. Оттуда пойди в темницу и, узнав все встречающееся в этом жилище, ступай в преддверия бань, где некоторые лежат нагими, употребляя вместо одежд и крова навоз и солому, постоянно терзаясь холодом, болезнью и голодом, умоляя прохожих одним своим видом, трясением тела и скрежетом сжимаемых зубов, и не имея возможности ни подать голоса, ни протянуть рук от крайнего изнурения такими страданиями. И здесь не останавливайся, но сходи еще в убежище бедных, находящееся за городом, и тогда ясно увидишь, что терзающее тебя теперь уныние есть тихая пристань. Что сказать о мужчинах, мало помалу разрушаемых проказою, о женщинах, страдающих раком? Обе эти болезни и продолжительны и неизлечимы; та и другая одержимых ими изгоняют даже из города, так как этим больным не позволено быть ни в бане, ни на рынке, ни в другом каком-либо месте внутри города. И не только это бедственно, но и то, что они не могут быть спокойны и относительно средств к пропитанию. А каково положение осужденных жить в рудниках, часто без вины и напрасно? Все они терпят гораздо больше горя, чем одержимые демоном. Если ты не веришь, это нисколько не удивительно; потому что мы обыкновенно судим о своих и о

чужих бедствиях не одинаково, но последние узнаем только из слов и по виду страдающих, а первые - собственным опытом и чувством, и из пристрастия к самим себе думаем, что последние несноснее первых, хотя бы они на самом деле были очень легки и сносны. Если же кто, отрешившись от всякого пристрастия, узнает свойство чужих несчастий, и вникнет в положение подвергшихся им, тот даст нам о них верное суждение. Может быть, ты скажешь, что все те болезни относятся только к телу, а твоя болезнь касается души, и тяжелее всех их. Но по этому самому особенно и оказывается она легче тех: она не разрушает тела, как те, и душу беспокоит только на короткое время; между тем указанные выше болезни, зарождаясь в теле, не останавливают на нем вредных своих действий, а простирают их и на душу, постоянно муча ее и сокрушая скорбью и великим унынием. "Как уксус вредит ране и дым глазам, так появившаяся в теле страсть печалит сердце" (Прит.25:20), говорит Писание. Итак, не о том только говори, что какая-нибудь болезнь гнездится в теле, но докажи, что она не простирает своего губительного и разрушительного влияния на душу. Так и зараза рождается не в самых телах, а губит тела; и яд змей выходит из них, а вредит нам. Тоже и с теми болезнями: рождаются они в теле, а яд своей злокачественности переливают в нашу душу. Итак, чрезмерное уныние вреднее всякого демонского действия, потому что и демон, если в ком властвует, то властвует чрез уныние, а если уничтожишь уныние, то и от демона не потерпишь никакого вреда. Но как, скажешь ты, можно не унывать? А я тебя спрошу, как невозможно не унывать? Если бы ты совершил блуд, убийство или какой-нибудь другой из грехов, лишаящих царствия небесного, то унывай и сетуй: никто не будет препятствовать; если же ты, по благодати Божией, стоишь далеко от всех этих грехов, то для чего напрасно мучишь себя?

14. Бог вложил уныние в нашу природу не для того, чтобы мы предавались ему неразумно, неблагоприятно и при всяких обстоятельствах, и не для того, чтобы губили самих себя, но чтобы получали от него величайшую пользу. Как же мы можем получить от него пользу? Если будем предаваться ему в надлежащее время; а время уныния не то, когда мы терпим зло, но когда делаем зло. Мы же извратили порядок и перемешали времена: делая множество зла, мы не сокрушаемся и на короткое время, а если от кого-либо потерпим хотя малое зло, падаем духом, безумствуем, спешим отказаться и избавиться от жизни. Поэтому такое состояние (уныние) и кажется нам несносным и тяжким, равно как и гнев и похоть, на которые также жаловались те, кто пользовались ими не хорошо и не надлежащим образом. Здесь бывает то же, что и с лекарствами, которые даются врачами: и они не только не избавляют больного от мучений, но еще более усиливают болезнь, когда употребляются при болезнях не соответствующих им и не тех, для которых они приготовлены, но при совершенно других. Точно так же действует и уныние, и это естественно. Как врачество сильное, разъедающее и, так сказать, очищающее нашу порочность, оно, когда прилагается к душе праздной, изнеженной и имеющей в себе великую тяжесть грехов, весьма много помогает принявшему его; а когда прилагается к душе деятельной, подвизающейся, трудящейся, заботливой и подвергающейся бедствиям, то не только не приносит никакой пользы, но и причиняет великий вред, ослабляя ее и делая удобопоражаемой. Посему и Павел, обращаясь к стоявшим и подвизавшимся, говорил: "радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь" (Фил.4:4); а к расслабленным душою и одержимым сильною страстью писал: "и вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать" (1Кор.5:2). Кто тучнеет туком грехов, тот пусть утончает и иссушает себя этим врачевством, а здоровому и соблюдающему себя в

надлежащем благосостоянии, для чего губить свое благополучие унынием? Оно - такое сильное врачевство, что когда и к нуждающимся в нем было прилагается дольше надлежащего времени, причиняло много зла. Опасаясь этого, и блаженный Павел повелевал устранять его тотчас после того, как оно сделает свое дело, и на это представил то же причину, которую я высказываю теперь: "дабы", говорил он, "он не был поглощен чрезмерною печалью" (2Кор.2:7). Если же оно, приражаясь сверх меры, губит и тех, кто имеет в нем нужду, то чего не сделает оно с теми, которые совсем не имеют в нем нужды, если они предадутся ему в великой степени? Так, скажешь ты, знаю это и я; но, как мне устранить и удалить уныние из души своей, - не знаю. Какая же в этом трудность, друг мой? Если бы это была какая-нибудь похоть и безумная плотская любовь, или сильное тщеславие, - это неудобоистребляемое зло, или какая-либо другая подобная страсть, то ты имел бы основание затрудняться освобождением от них, так как плененным ими, хотя и невозможно, однако трудно избавиться от этих сетей. Почему? Потому, что им содействует и помогает удовольствие: оно как бы канатами со всех сторон опутывает предавшихся страстям, и трудность исправления, прежде всего, состоит в том, чтобы душа склонилась пожелать и решиться на освобождение от них; подобно тому, как если бы человек, нуждающийся в исцелении от коросты и чесотки, находил удовольствие в этой болезни, и сам себя ввергал в недуг. А для освобождения от скорби не мало способствует нам то, что мы не находим в ней удовольствия; кто тяготится чем-нибудь, тот скоро постарается и освободиться от этого. Но что, если он, хотя и постарается, но не успеет? Пусть не перестает стараться, и скоро будет иметь успех. Имей в виду, что для христианина, если он когда-нибудь скорбит, должны быть только два повода к унынию, - когда или сам он, или ближний его оскорбит Бога; а так как твоя скорбь не основывается ни на одном из этих поводов, то напрасно ты мучишь себя. А откуда известно, скажешь ты, что эту скорбь мы не наказываемся за грехи? Это хорошо известно, но пока я не стану утверждать этого. Если же ты хочешь, то пусть будет не только не неизвестно, как ты сказал, но даже хорошо известно, что эта скорбь есть возмездие за грехи; неужели же, скажи мне, ты по этому сетуешь? Но надобно благодушествовать от того, что ты еще здесь освободился от грехов, и не будешь осужден вместе с миром. Сетующему должно сетовать не о том, что он наказывается, но о грехах, которыми он оскорбляет Бога; грехи удаляют нас от Бога и делают врагами Его, наказания же примиряют Его с нами и делают милостивым и близким к нам. А что твой подвиг и труд не есть возмездие за грехи, но подготовка к венцам и наградам, это видно из следующего. Если бы ты прежде жил постыдно и распутно, а потом перешел бы к монашеской жизни, и в таком случае мысль о наказании за грехи была бы неуместна. Если Бог посылает наказания для того, чтобы грешников обратить к покаянию, то когда принесено покаяние, наказание по этому самому излишне. Бог столь далек от желания наказывать нас, что часто даже тогда, как мы делаем достойное наказания и нуждаемся в сильном вразумлении, Он вразумляет нас только угрозою и устрашающими словами. Это ты можешь видеть на примере израильтян и города ниневитян: Бог не только не навел на них наказания, когда они принесли покаяние, но тотчас прекратил и угрозу. Он гораздо более нас самих желает, чтобы мы не терпели никакого зла, и никто из нас не шадит себя так, как Бог шадит всех нас. Неужели же Тот, Кто часто и согрешивших устрашает только словами, но не наказывает, а покаявшихся освобождает и от самого опасения, тебя, оказавшего такое благочестие и такую добродетель, не только не избавил от угрозы, но и предал действительному наказанию? Как можно поверить этому? Если бы прежняя жизнь твоя была, как я сказал, развратна и порочна, это могло еще

придти кому-нибудь на мысль; но так как она была скромна и исполнена великой честности, хотя и ниже теперешней, то из всего этого нам ясно, что твои подвиги ведут к венцам и высшему воздаянию. Поэтому, как я сказал, должно возбуждать в себе такие и подобные мысли; а вместе с этим, или еще прежде этого, должно рассеивать этот мрак уныния молитвами и молениями. Так и блаженный Давид, столь дивный и великий муж, постоянно пользовался этими врачевствами, и избавлялся ими от тяжести скорбей, то молясь так: "скорби сердца моего умножились; выведи меня из бед моих" (Пс.24:17); то возбуждая в себе благочестивые мысли: "что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога; ибо я буду еще славить Его" (Пс.42:5); и еще говорил, от размышлений обращаясь к молитвам: "отступи от меня, чтобы я мог подкрепиться, прежде нежели отойду и не будет меня" (Пс.38:14), и от молитв к размышлениям: "кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле" (Пс.72:25). Так и Иов размышлениями возражал жене, внушавшей ему произнести сатанинские слова, и, укоряя ее, говорил: "ты говоришь как одна из безумных: неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать" (Иов.2:10)? А пред Богом он прибегал к молитвам. И блаженный Павел обоими этими средствами помогал впадавшим в скорби и искушения: иногда говорил: "если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец" (Евр.12:7,8)? - а иногда с молитвою говорил: "верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил" (1Кор.10:13); и еще: "ибо праведно пред Богом - оскорбляющим вас воздать скорбью, а вам, оскорбляемым, отрадою" (2Фесс.1:6,7). И так, если и ты захочешь воспользоваться тем и другим оружием и крепко оградишь себя со всех сторон, размышлениями заграждая унынию доступ к себе, а молитвами, как своими, так и чужими, устроая эту крепкую ограду, то скоро увидишь плоды таких усилий. Ты приобретешь не только ту пользу, что станешь мужественно переносить настоящие страдания, но, хорошо укрепившись ими, будешь и впредь неодолим никакими житейскими горестями.